

И. Фаликман. Среди сопок.

Фаликман Ихил (Иехиель) Шмулевич (1911–1977) - еврейский советский писатель. Писал на идише.

Первая повесть «Стэпэс шитн зих» («Степи осыпаются») опубликована в 1931 г. в киевском журнале «Ди ройтэ вэлт». В 1932–1933 годах жил в Биробиджане, работал в газете «Биробиджанер штерн». Тогда же начал писать очерки и рассказы. Впечатления о жизни на Дальнем Востоке легли в основу книги Фаликмана «Цвишн сопкэс» («Среди сопок», 1937) и сборника «Онһэйб фрилинг» («Начало весны», 1940).

С 1941 по 1945 год – на фронте. Печатал фронтовые очерки в газете «Эйникайт». Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями. События военных лет, страдания и мужество людей в годы испытаний нашли отражение в двух книгах Фаликмана: «Либе ин файер» («Любовь в огне», 1943) и «Мэнчн фун майн ланд» («Люди моей страны», 1945).

В послевоенное время Фаликман написал роман «Ди шайн кумт фун мизрэх» («Свет приходит с Востока», 1948, в русском переводе – «Обреченные берут оружие», 1959).

Фаликман был членом редколлегии журнала «Советиш Геймланд», публиковал в нем рассказы, повести и романы. В 1968 г. вышел роман Фаликмана «Дер шварцэр винт» («Черный ветер»). Как и предыдущий роман, «Черный ветер» рассказывает о трагических событиях Холокоста.

Произведения Фаликмана неоднократно переводились на другие языки. На русском языке вышел сборник рассказов «Горькое семя» (Москва, 1964), на украинском – сборник «Рассказы подполковника Савченко» (1943), «Проба огнем» (1947), «Любовь живет в Шварцвальде» (1966), «Обреченные берут оружие» (1973). Автор книг «Дэр уртэйл из ойсгэфилт» («Приговор приведен в исполнение», 1971), «Файер ун аш» («Огонь и пепел», 1975).

А вот предлагаемая вашему вниманию повесть «Цвишн сопкэс» на русский язык переводится впервые.

Перевод с идиша: Валерий Фоменко

Цель уже близка. Осталось только подняться на гребень сопки, как внизу, в долине, издали похожие на зверьков, уткнувшихся в снег, покажутся юрты ороchonского стойбища Журми. Луки Удикан, молодой охотник из соседнего с Журми такого же таежного поселения, останавливается и, обращаясь к двум своим спутникам, произносит отрывистый монолог на ломаном русском:

– Там в Журми моя друг много... Они даст нам мясо, юкола даст... Охотник тайга гости шибко любит... Радоваться однако маленько надо...

Выговаривая все это, Луки прищмыкивает, крутит головой, хитро щурит и без того узкие черные как смоль глаза и всем своим видом стремится передать удовольствие, которое, верно, испытывает в ороchonском жилище желанный гость...

Но стоящий рядом с Луки Мойшка сейчас ничего не слышит, даже и слышать ничего не хочет – он, кажется, готов упасть прямо в снег и тут же заснуть. У него сильный жар и нестерпимая боль в висках. Мойшка, совсем еще мальчишка (над верхней губой у него едва пробился рыжеватый пушок), сильно простудился и с трудом держится на ногах.

...Всего лишь пару дней назад паренек чувствовал себя как никогда бодрым и энергичным. Одно – вполне понятная причина – его возраст, который с избытком дает человеку здоровье и силы, другое – случай, неожиданно-негаданно подбросивший парню великолепную возможность испытать себя на прочность в серьезном и ответственном деле. Абе, старшему брату Мойшки, только что назначенному начальником строительства известкового завода, было поручено определить в тайге участок, на котором можно будет начать для стройки заготовку древесины. Мойшка напросился брату в пару.

От Биробиджана они ехали поездом и сошли на небольшой станции или, скорей уж, полустанке Б, состоявшем из десятка деревянных, окрашенных в красное домиков, из длинного приземистого складского строения тут же поблизости, колодца посреди широкой заснеженной поляны да нескольких сараюшек-свинарников. А вокруг – куда ни посмотришь – тайга, поседевшая от недавнего снегопада, косматая, нелюдимая... Дальше – на все четыре стороны горизонта – голубеющие гребни древних сопки. В двадцати километрах отсюда – если считать по железной дороге – и в пяти километрах вправо от нее, по сути, в глухой тайге, со временем предстоит подняться корпусам известкового

завода. Но там, в этих двадцати километрах от станции Б, то есть посреди той же тайги, поезда не останавливаются. Что оставалось делать? Решено было идти к пункту назначения не по железнодорожному полотну, а, спрямляя путь, двигаться через лес (к тому же братьев поторапливал их проводник, ороч Луки). Кроме того, Абе, как, впрочем, и Мойшке, хотелось взглянуть на казачью деревеньку Тигровую, расположенную не так далеко от станции и вдобавок как раз на пути следования наших путешественников.

К Тигровой, где они рассчитывали переночевать, вела пусть сейчас и едва заметная, но все же дорога, больше, правда, похожая на широкую тропу. К месту сказать, в деревне Аба рассчитывал поговорить с председателем тамошнего колхоза о возможной помощи тигровцев будущей новостройке. А уже после всего, по возможности, выйдя в путь пораньше, проделать что-то около шестнадцати километров, что останется пройти до стойбища Журми, расположившегося в аккурат у подножия известняковой сопки.

С тем вся троица и покинула пристанционный поселок. Дорога от него вела то через вырубки, то через пространные горельники, местами спускаясь в низинки к скованным льдом ручьям, чтобы снова уйти на подъем. В какой-то момент путники увидели впереди перебегавшую через дорогу косулю. Луки хватило каких-то долей секунды, чтобы, сорвав с плеча ружье, ловко вскинуть его и нажать на спуск. Будто споткнувшись о невидимое препятствие, косуля, вздрогнув, на мгновение остановилась, но тут же, высоко вздернув голову, сделала длинный прыжок и исчезла в низком кустарнике у самой дороги. Судя по всему, животное было всего-то легко ранено – на чистом снегу по следам косули тянулся тоненький красный пунктир... Преследовать ее незадачливому охотнику не имело смысла. А вот Мойшка просто-таки загорелся любопытством. Охваченный мальчишеским азартом, не слушая ни гортанного возгласа Луки, ни окрика Абы, он рванул туда, где только что скрылась коза. И хотя время было дорого, Аба и проводник, не удержавшись от искушения, тоже было бросились вслед за Мойшкой. Вовремя, однако ж, опомнившись, остановились и, присев на поваленное дерево, стали ждать возвращения своего легкомысленного спутника.

Прошло, пожалуй, не меньше получаса, прежде чем из кустарника, пьяно покачиваясь и чуть не падая от усталости, вышел Мойшка. Потный, в расстегнутом полушубке, он виновато улыбался и, на ходу зачерпнув чуть ли не полную горсть снега, жадно отправил ее в рот. Все еще тяжело дыша, он подошел ближе к ожидавшим его спутникам и плюхнулся на спину прямо в пухлый сугроб. Луки со смехом упрекнул Мойшку: чего это ты, мол, с пустыми-то руками явился? Но на раскрасневшемся потном лице парня читалось полное удовлетворение. Обескуражил юношу строгий выговор старшего брата, который впервые за всю дорогу крепко отругал того за самовольство и, бесцеремонно встряхнув Мойшку за ворот, заставил его немедленно застегнуться.

...Уже вечерело, когда они приблизились к деревушке (багровый шар солнца уже катился по зазубренному горизонту, тем временем усиливался и мороз), а дотоле бодро шагавший Мойшка почувствовал озноб и непонятную слабость. Ему захотелось как можно скорее очутиться в деревенской избе, выпить для «сугреву», как тут выражаются, стакан горячего чая, потом забравшись на теплую русскую печь, укрыться доброй овчинной шубой и избавиться от нечаянной зябкости.

Как только наши путешественники перешагнули порог первой казачьей избы, наполненной душноватым, но приятным теплом, Мойшка тут же, не ожидая приглашения, присел на крашеную скамью у входа и, прежде чем Аба попросил у хозяев разрешения на ночлег, его братишка, бессильно откинувшись спиной к стене, впал в полудрему. В то же время устойчивое тепло избы начало казаться ему холодом, парня бросило в дрожь. От ужина и даже от чая он отказался и тут же уснул. Аба уже определенно знал, что происходит с братом, и молча корил за все только себя. Весь вечер он несколько раз подходил к занедужившему, прикладывал ладонь к его горячему лбу и спрашивал:

– Спишь, Мойшка?..

Тот слышал, что к нему обращаются, но сейчас все происходящее мешалось в его сознании со странными сновидениями и вопросы брата звучали для него не то как бы издалека, не то как из далекого прошлого.

Утром не могло быть и речи об отправлении больного в дорогу. Правда, за ночь жар у него заметно спал, но Мойшка все еще лежал в постели, отрешенно глядя в потолок полуоткрытыми глазами. Ночью его снова морозило, хотя уже не так мучительно, как накануне. Спал парень спокойно и когда проснулся, в затканых морозными узорами окошках казачьей избы слабо голубел рассвет, а на стене трепетало большое красное пятно – хозяйка уже растопила печь. В избе между тем ощущалось какое-то движение. Вот скрипнула дверь, вот слышались чьи-то осторожные шаги... Мойшка забеспокоился: где Аба? Поднявшись с постели, он увидел, что Аба и Луки что-то передвигают, торопливо складывают... Через секунду Мойшка отчетливо вспомнил все, что произошло вчера и прямо-таки оторопел: а ведь брат с проводником готовятся в дорогу. Да, не иначе – и в дорогу, и без него!

– Вы куда? – осипшим голосом задал он вопрос брату.

Тот подошел к Мойшке поближе и сообщил ему следующее: оставаться в деревне он, Аба, сейчас никоим образом не может, просто права на это не имеет. Разве здесь кому-нибудь неизвестно, что перед ним поставлена ответственная задача – изучить площадь, где будет строиться завод, и примыкающую к нему территорию? Кроме того, он, Аба, уже договорился здесь, в Тигровой, что на заготовку леса с ее началом здешний колхоз выделит людей и лошадей. А заготовку эту планируется начать уже послезавтра. Так что именно послезавтра Аба вернется сюда, а к этому времени у тебя, мой дорогой братишка, пройдет вся твоя простуда и ты вместе со всеми будешь там, куда все мы из города Биробиджана с тобой и направлялись.

Мойшка попытался возражать брату и уверить его, что он никакой такой простуды вовсе даже не чувствует и может идти хоть куда, но брат глянул на строптивца так выразительно, что спорить тому тут же расхотелось. Впрочем, он и сам ясно понимал шаткость своего положения и, обиженно повернувшись к стенке, попробовал заснуть.

...Теперь Аба и Луки шагали по лесной тропе вдвоем. Оставив позади километра три и одолев крутой подъем, они присели передохнуть, а заодно и приладить на место оборвавшуюся у Абиного рюкзака лямку. И что они увидели? Они увидели догоняющего и через минуту-другую таки догнавшего их Мойшку. Остановившись, он громко рассмеялся: ну и что вы, мол, на это скажете? Только широкая улыбка на неестественно раздумывавшемся лице парня выглядела все-таки, скорее, вымученной.

Кричать Абе на непослушливого братца было совершенно бесполезно, хотя тот и сделал очередную глупость. Отослать Мойшку обратно? А вдруг он не сможет идти один? Проводить его? Но это значило бы потерять целый день. Ответив брату деланной улыбкой, Аба тут же стер ее с лица и строго вымолвил:

– Ну смотри, разбойник! Если что, пеняй на себя. Мы с тобой больше возиться не будем. Так, Луки?

– Да я в полном порядке! – бодро отвечал Мойшка. – Так что няньки мне не потребуются. Понятно?

Энергично подтянув лямки рюкзака и сунув руки в рукава полушубка, рассерженный словами брата Мойшка решительно двинулся вперед. Только вот и решительности, и сил упряму хватило ненадолго. Аба и Луки довольно быстро нагнали парня, потом, даже не ускоряя шагов, сумели его обогнать, а спустя некоторое время оказаться далеко впереди него. Между тем Мойшка отчетливо чувствовал гнетущую усталость. Обливаясь жарким потом, он то и дело останавливался на подъемах, чтобы перевести дыхание... Аба и Луки тоже уже несколько раз останавливались в терпеливом ожидании отстающего. Мойшке было ужасно стыдно пребывать в незавидном положении слабака, но он упорно продолжал идти. Шагал молча, сосредоточенно, шел, буквально выбиваясь из сил. Все окружающее сейчас как-то странно отодвинулось у него куда-то на край сознания, и там, на этом краю, заснеженные сопки как будто оживали и, оборачиваясь косматыми медведями, угрожающе тянули к нему когтистые лапы, норовя царапнуть, достав до самого сердца. Замедлив шаг, Мойшка пошатнулся раз-другой, но на ногах все же удержался.

Поскольку нашим путникам пришлось в этот день делать частые остановки, те не то шестнадцать, не то все двадцать километров от Тигровой до известняковой сопки растягивались для них на неопределенное, но явно на немалое расстояние.

И вот уже близится вечер. Короткий зимний день угасает быстро. Первыми он покидает узкие извилистые низины между сопками, последними – их вершины, одаваемые лучами уходящего солнца. А наступающие сумерки между тем уже крадутся в таежный мир, дыша леденящим холодом. Мертвую тишину лесов в этот час нарушают только потрескивания древесной коры, неосторожно тронутой январской стужей, а на пороге ночи все живое в тайге спешит убежать в свои норы, улететь в свои гнезда... И теперь, когда до желанного стойбища, до теплых юрт и не гаснущих под их кровом костерков оставалось всего-то несколько сотен шагов, Мойшку оставили последние силы. Даже опираясь на плечо Абы, он был не в состоянии сделать и шага. Его лихорадит, в воспаленном мозгу возникают какие-то призрачные злобные существа, от которых он – уже наяву – старается отбиться, с криком размахивая кулаками. Он хочет – нет, он должен! – завалить их снегом, заживо похоронить чудовищ под горой снега. Мойшка не узнает сейчас ни Абу, ни Луки, прикладывая руку ко рту, он кричит кому-то далекому от него: «Эй, несите сюда побольше снега! Вы слышите – сне-е-ега!». Аба и Луки прямо холодеют от этого истошного крика. Оба невольно всматриваются в лесной сумрак, растерянно молчат. Помедлив секунду, Аба срывает с себя полушубок и с головой закутывает им брата – пусть он пока хотя бы не вдыхает накаленный морозом воздух. Потом, взяв Мойшку – один подмышки, другой под коленки за ноги – Аба и ороч продолжают двигаться вперед. Мойшка при этом старается вырваться то от одного, то от другого, надрывно кричит и, напрягаясь, рискует растратить последние силы.

Склон сопки, на которую нашим путешественникам надо подняться, оказался довольно крутым, к тому же едва ли не сплошь поросшим низкими кустами орешника, дикой малиной и высокой жесткой травой. Людям приходится петлять, выбирая проходы в густых зарослях. В конце концов, они, не заметив этого, сбились с более или менее подходящей для передвижения тропы. И хорошо, что к этому времени Мойшка, как будто немного придя в себя, и – правда, с великим трудом – сумел-таки подняться на ноги. Сейчас он держится за плечо брата и, медленно переставляя ноги, делает неровные шаги.

www.gazeteno.ru

Но вот – наконец-то! – каменистая макушка сопки. Но здесь происходит нечто необъяснимое: Луки, первым оказавшийся на вершине, хриплым, словно простуженным голосом выкрикивает что-то тревожное на своем языке. – Что-что? – вырастает рядом с проводником Аба.

– Моя однако совсем не понимаю... – произносит ороч с дико перекошенным от непонятного страха лицом, и голос его, сорвавшись, падает до панического шепота, – Журми нету... Юрта нету...

– Ну как это «нету»?! – бледнеет Аба.

Все так и есть: и внизу, и вокруг нет ни следа, ни признака человеческого жилья. Куда ни посмотри, только сопки и сопки. А что за ними? Все те же – до самого горизонта – неровные ряды сопок – сопок белесых, за ними – голубых, голубоватых, дымчатых, в этот час темнеющих, но еще политых поверху скупым светом предзакатного солнца... Неожиданно откуда-то налетел порывистый морозный ветерок, осыпав вершину сопки мелкой снежной крупой, враз тревожно зашумели обледенелой листвой дубняки, укрывающие северный склон сопки...

– Может, мы заблудились а, Луки? – с трудом проглатывая застрявший в горле комок, негромко проговорил Аба.

– Моя, начальника, знай, где находить Журми – совсем нету Журми! – ответил ороч, и в его словах отчетливо прозвучали нотки озлобленности и пренебрежения к «начальнику», задавшему ему, Луки, шибко глупый вопрос.

– Но ведь случается и такое, Луки. Тайга все же, – примирительно проговорил Аба. – Смотри, тут и следов человека нигде не видно... Нет, ты точно знаешь, что мы пришли туда, куда хотели?.. Видимо, надо идти дальше. В другом месте твое Журми искать. Давай, пока еще светло! Ты, я знаю, молодец у нас. А то... А то ведь... – дрогнувшим голосом заключил Аба, – умрет у нас Мойшка.

Луки порозовел лицом, энергично потрянул головой так, будто нечаянно прикоснулся щекой к чему-то горячему и вполголоса, как бы сообщая собеседнику большой секрет, повторил: «Журми нету» и, показав рукой место в долине, где и должно было находиться, да и на самом деле несколько дней назад располагалось стойбище, уверенно заключил:

– Журми вон там был... Моя смотри, твоя хорошо смотри... Нету!!!

И поведение, и голос Луки убеждали Абу в том, что происшедшее больно ударило по самолюбию прирожденного охотника. Тот и вправду представить себе не мог, что привел русских не туда, куда они рассчитывали прийти. Но пристально вглядываясь туда, куда показывал Луки, Аба действительно не видел чего-то такого, что бы определенно свидетельствовало: да, где-то здесь и располагалась зимняя стоянка орочей. И тут

внимание Абы привлекла сопочка по эту сторону долины. На первый взгляд, безусловно, типичная для здешней местности конусообразная гора не отличалась от своих соседок ни «ростом», ни растительным покровом: такой же лес на ней, тот же снег в этом лесу. Но при этом Аба неожиданно для себя отметил одну едва проявляющуюся особенность ближней сопки: своим сужающимся северным склоном она дальше остальных сопек вдавалась в относительно ровную «площадку» долины. «Вот так номер! Да ведь это же известняковая сопка и есть», – вдруг сообразил Аба. И таки да: контуры этой «выдающейся» сопки, с востока слегка прогнутый внутрь овал ее основания – все в точности совпадало с тем, что было изображено на чертежах, тут же извлеченных «начальником» из вместительного рюкзака. «Ну а вот же и эта самая речка тут!». Долина, поросшая низким дубняком, в этот час была затянута вечерней дымкой, но отсюда, сверху, легко угадывалась речка, тонкой белой ленточкой опоясавшая подножие сопки, а чуть дальше уже почему-то неразличимая отсюда и как-то вдруг ускользающая из поля зрения.

На секунду взгляд Абы задержался на том месте, где сплошная полоска безымянной речки обрывалась, образовав чуть заметные отсюда черточки двух проток. Там, где они разошлись, на темнеющем снежном фоне просматривалась россыпь черных точек. Точки эти представляли собой как будто бы обыкновенные пеньки. Необычным же было то, что располагались они относительно друг друга в определенном порядке. И значит... Луки был прав – стойбище на этом месте было, и вот они, его следы...

– Что могло случиться?.. – произнес подавленный увиденным, Аба. – Где люди?..

Да, всего за три дня перед этим выездом сюда он ночевал в стойбище, беседовал с охотниками и с сопровождавшим его предсельсовета. Правда, пришли они тогда в Журми уже поздним вечером и выходили к селению орочей другой дорогой. Так что запомнить точное месторасположение стойбища Журми Аба никак не мог. Определенно и твердо помнил он одно: в разговорах с орочами никто тогда ни словом не обмолвился о предстоящей их кочевке. И вот на тебе!.. Аба вопросительно посмотрел на Луки, тот сначала отвел глаза, а потом, скрипнув зубами, одарил Абу взглядом, полным неприкрытой ненависти:

– Твоя прогнал Журми! – по-волчьи недвижными глазами уставился на Абу проводник.

Аба удивленно вскинул брови:

– Что-что?!

– Это твоя! – тяжело сопя, продолжал ороч. – Твоя приходил!.. Много люди приходи... Тайга руби... Зверь прогони... Орочон голод помирать не хотел – уходи надо – ушел...

Аба пристально всмотрелся в хищно сощуренные глаза Луки, но тот так и не отводил от чужака мрачного давящего взгляда...

У Абы, прибывшего сюда в качестве начальника строительства, кроме основной и главной была еще одна задача – задача, решение которой, в сущности, к его прямым обязанностям никакого отношения не имело, но решать эту «второстепенную» задачу внутренне Аба был готов. Речь вот о чем: еще перед первой его поездкой сюда секретарь областного комитета партии в беседе с ним, молодым инженером, только что назначенным начальником строительства, как бы между прочим сказал:

– Да, и с орочами, которые живут там поблизости, постарайся добрые отношения наладить... Кстати, можешь договориться с ними насчет доставки мяса... А в их юртах тебе, например, может даже понравиться. Ну да и вообще постарайся к этим аборигенам как-то поближе быть...

Аба и прежде знал о людях, живущих по лесам, – своего рода отшельниках, остатках тунгусских племен, занимающихся охотой и рыболовством. Подобно другим народностям, живущим в таежных краях, обитают орочи в легких переносных строениях – юртах. По словам того же партсекретаря, стоят в это время жилища орочей и возле сопки,

сложенной известняками. То, как рыбаки-охотники отнесутся к появлению пришельцев со стороны «железной тропы» и к планам по сооружению завода на «их» земле, Абе оставалось, естественно, пока что неясным.

Кстати говоря, партийный секретарь сообщил, что в городе тоже проживает несколько семей коренных жителей этих мест, также промысляющих охотой, и посоветовал Абе взять кого-нибудь из них в проводники... Но все сложилось иначе, и ороч Луки Удиган оказался в роли проводника при не совсем обычных обстоятельствах. В то же время решение Абы взять Луки на роль проводника можно было считать удачным. Во-первых, в стойбище у сопки, куда предстояло отправиться биробиджанцам, Луки, как оказалось, имеет немало друзей и знакомых (сам Удиган попал в Биробиджан, можно сказать, благодаря редкому случаю), и когда он появится в стойбище возле той самой известняковой сопки с чужими людьми, там, в Журми, их примут без излишней настороженности; во-вторых, прежде чем они доберутся до места назначения, Аба получит хотя бы отдаленное представление о коренных обитателях дальневосточного края. В частности, благодаря тому, что русский язык Луки был более или менее сносным.

...Когда они спускались в долину, Луки выглядел предельно замкнутым, и на посуровевшем лице его читалось полное равнодушие к окружающему. На вопросы проводник отвечал скупое, хмурился, поигрывая желваками, время от времени Аба ловил на себе недобрые взгляды орочона. Но за дорогу успевший познакомиться с ним ближе Аба знал, что Луки этот, в общем, неплохой парень и что теперешнее мрачное его настроение – это ненадолго. Намеренно сделав вид, как будто ничего особенного не произошло, Аба исподволь завел с проводником разговор об охоте и рыбалке в этой округе. Аба хорошо знал безотказно действующее правило общения: если человек чувствует свое бесспорное превосходство над собеседником, он не может не испытывать к слушателю (да еще и подчеркнуто внимательному) своего рода симпатии. В ходе беседы с лица Луки как будто сошла печать отчужденности, он постепенно оживлялся, взгляд его потеплел. Коротко говоря, все как будто вставало на свои места...

В то же время нечаянный конфликт заставил Абу мысленно поставить себя на место охотника Луки и оценить тяжесть его обвинения в адрес неожиданных пришельцев. Ситуация казалась, по меньшей мере, нелепой. Стойбище никак не могло сняться с места по причине появления в нем людей посторонних. Да и кто мог сообщить орочам о цели их появления? Аба был почти уверен в том, что исчезновение зимней стоянки орочей у сопки Известковой (такое название он уже дал ей сам) могло объясняться стечением каких-то неизвестных ему обстоятельств – у обитателей Журми, несомненно, была иная причина откочевать в другое место, нежели прошлый краткий визит белых людей в их поселение. Может статься и так, что кочевники расположились сейчас где-нибудь недалеко отсюда. Плохо, даже прескверно, только то, что теперь им-то – Луки и Абе с серьезно заболевшим братом – придется ночевать прямо под открытым небом.

Аба не стал делиться своими предположениями с Луки, а сказал ему первое, что пришло в голову:

– Слушай, а ведь твои друзья из Журми могли бы остаться здесь и работать вместе с нами! Лес рубить, помогать нам дома строить...

Ороч сильно наморщил узкий лоб, явно силясь понять сказанное «начальником», и, поняв, проговорил: – Тайга руби?.. – Тут Луки негромко пробормотал что-то на своем языке и, одарив собеседника сумрачным взглядом, внушительно добавил: – Орочон тайга руби не может! – Немного помолчав, проводник медленно обвел глазами вершины сопки и с тоскливой ноткой в голосе закончил: – Нет! Орочон свой тайга шибко люби... Журми далеко уходи...

Аба удивленно вскинул левую бровь, пожал плечами, промолчал и тут, словно увидев Луки впервые, внимательно оглядел его. Большая косматая шапка, короткая доха из лосиной шкуры, красное обветренное лицо с монгольским профилем – все это удивительно сочеталось с нетронутой дикостью этого края. И не будь здесь перед ним в эти минуты охотника Луки Удигана, картина окружающего мира была бы определенно неполной.

Между тем Мойшке, оправившемуся от горячки, снова стало худо. Привалившись к стволу дуба, в лихорадочной полудреме он время от времени снова начинал бредить и размахивать перед собой сжатыми кулаками.

– А чего это мы стоим, Луки? – спохватывается Аба. – Надо с ним что-то делать... Ты охотник, хороший охотник. Думай, как быть...

О том, как в сложившихся обстоятельствах должен поступать он сам, Аба ничего утешительного сказать бы не мог. Единственное, на что он способен сейчас, это разжечь костер и не давать ему погаснуть в течение всей долгой зимней ночи, но... только именно сейчас ему, Абе, представился удобный случай дать почувствовать Луки, что положиться в столь неблагоприятной ситуации можно только на него, коренного жителя тайги. Но тот, кольнув Абу взглядом, в котором, казалось, не было ни тени сочувствия или доброжелательности, отвел глаза в сторону. Выражение лица, крепко стиснутые кулаки и, наконец, не совсем обычная поза охотника не могли не настораживать Абу, и он, невольно напрягшись, молча ждал. Ждал чего?.. И тут – ну кто бы мог такое предполагать? – плоское красное лицо Луки неожиданно расплывается в заговорщической улыбке:

– Моя делать баня... – произносит он, слегка заикнувшись на малознакомом «баня», – Тайга баня... Твоя, Аба, не знай? – Сунув руку за пазуху короткой дохи, Луки с торжествующим видом достает оттуда мешочек с кремешком и кресалом. И без того узкие глаза ороча в этот момент прямо-таки сияют от гордости: – Ай, шибко тепло станет... Луки делай, Луки тайга все знай...

Через некоторое время Мойшка лежит на мягком матрасе из пахучих еловых лапок, в паре шагов от его «постели» ярко горит костер. Но нет, это не «таежная баня», которую обещал организовать для больного Луки. Он и Аба насобирали целую грудку сухих веток и толстых сучьев. Все это послужит заготовкой для большого костра и уже уложено

вплотную к самому подножию известняковой сопки, которой круто обрывается ее северный склон.

...Как гласит ороchonская легенда, когда-то («Ой-ой, как давно это было!») чем-то разгневанные лесные чудища-боги стали сильно трясти землю («Много страшно!»). Вот тогда-то упал и раскололся на десятки кусков белый утес, возвышавшийся у самого подножия известняковой сопки. На этом же месте землетрясение открыло путь на поверхность роднику, а массивные осколки высокой скалы разметало в разные стороны. Отдельные такие «камешки» упали в речку, заставив ее здесь раздвоиться и изменить русло. В самом же теле горы образовалась небольшая площадка, прикрываемая с одной стороны каменным массивом сопки, а с двух других – высокими стенками голубоватосерого известняка, что не однажды служило таежным скитальцам-охотникам надежной защитой не только от ветра, но и от хищного лесного зверя...

На землю быстро пала морозная ночь. Тайга в округе становилась все мрачнее и все таинственней. Поваленные деревья с высоко поднятыми вырванными из земли корнями, молодые дубки и пихты, до самых вершин щедро осыпанные снегом, темные кедры с низко опущенными тяжелыми ветвями – все погрузилось в мертвую первозданную тишину. В такие минуты в сердце человека исподволь рождается глухая тоска по большому и шумному миру, который отсюда где-то так далеко...

Оба, Аба и Луки, работают. Работают молча, сосредоточенно, на ходу утирая пот. Луки безостановочно бегают по склону вверх-вниз, едва ли на ощупь сноровисто собирает сухие хворостины и на ходу сбивает с них снег, ударяя одну о другую. Аба тоже занят заготовкой топлива, но действует не так ловко, как Луки. Все происшедшее за день не может его не угнетать. К тому же он порядком устал. Наконец Луки объявляет, что дров вполне достаточно – на всю ночь хватит. Подожжена и куча валежника, наваленного вплотную к отвесной скале, – минут через пять в ночное небо вздымается такой столб огня и дыма, что увидеть его можно, кажется, и за десяток верст.

www.gazetao.ru

Так большой костер должен гореть не меньше часа, поэтому в него надо будет время от времени подбрасывать дрова. Теперь можно перекурить, присесть на обломок пня, ни о чем не думая, смотреть в огонь, а заодно подождать, когда закипит чай в донельзя закопченном жестяном котелке, который всегда носит на поясе Луки. Перебросившись парой слов о погоде наступившей ночи (после небольшого снегопада сильно похолодало), Аба и проводник замолкают. Каждый думает о своем, но наверняка оба они ищут ответ на вопрос, как следует поступить в сложившейся ситуации и о собственной серьезной

ответственности, которую так неожиданно возложило на них столь неблагоприятное стечение обстоятельств...

Измотанный всем пережитым за день, здесь у огня каждый ощущает, как свинцовой тяжестью наливается тело.

Аба, полузакрыв глаза, смотрит, как плещется в костре горячее пламя, и почему-то видит сейчас в мыслях город Биробиджан – тот Биробиджан, который он видел въеве накануне своего отъезда на станцию Б. Тогда Аба стоял у окна квартиры на втором этаже, глядя на вечерний город. Вот в обрамлении электрических ламп – длинное двухэтажное здание почты, рядом с ним и напротив него – еще несколько таких же домов. Некоторые стоят пока что в окружении строительных лесов, а там еще и еще... Дальше, насколько хватал глаз, виднелись чуть припорошенные голубоватым снежком светящиеся окна небольших домиков, от которых темными струйками тянулись к пепельно-серому небу ряды дымок. Где-то далеко на секунду прорезал вечерний сумрак холодный огонек автомобильных фар. А вот из-за поворота, покачивая над улицей полосами света, показались сразу несколько грузовиков, двигавшихся в направлении моста через Биру, который издали угадывается в темноте ночи по гирлянде огоньков над ним.

...Луки энергично пошевелил палкой горящие головни в костре, чтобы они лучше горели – в черное небо поднялся целый сноп искр. Аба, вскинув голову, переводит взгляд на проводника. Тот растерянно улыбается, но тут же, согнав с лица улыбку, хочет, кажется, что-то спросить «начальника», но молчит и снова растягивает губы в виноватой улыбке. Наконец все же решается заговорить:

– Аба, моя много думай – понимай нет. Зачем твоя тайга ходи?.. Тайга однако холодно, тайга шибко большой... Твоя тайга не люби – почему ходи?.. Твой Тихонька есть много-много юрта большой... Моя видел. Маленько иди – и вот юрта есть... Совсем близко, совсем тепло... Тихонька сиди – шибко хорошо!

Окончательно так и не избавившись от некоторой настороженности в отношении своего «гида», Аба улыбается: вот ведь какой он наивный, этот Луки Удиган... А ведь сейчас он с неподдельной откровенностью выразил то, что думает все это время. Ну и ну...

– Там, где стоит Биробиджан или, как ты говоришь, «Тихонькая», тоже была тайга, – медленно заговорил Аба, взвешивая каждое сказанное слово. – Теперь там тайги нет. Тайги точно такой же, как здесь, нету... Ты меня понимаешь?

Луки от удивления даже рот приоткрыл: что-что? Там, где сейчас Тихонькая, такая же тайга, как тут, была? Об этом он и не слышал никогда... Да только настоящий-то охотник никогда не должен показывать своего удивления. А кто Луки? Луки охотник, хороший охотник Луки... И чтобы скрыть впечатление от того, что ему только что сообщил русский, Луки усиленно морщит узкий лоб, хмурится, отворачивает лицо от огня.

– Вот ты сказал, что мы тайгу не любим, – продолжал Аба, и в голосе его прозвучала нотка волнения. – Ну что тебе сказать? Вот ты посмотри на эту сопку: кто знает, сколько тысяч лет она стоит? И ничего... А ведь сложена она из чистого известняка... Известь. А ты знаешь, что это значит?.. А вот под теми сопками, говорят, лежит железная руда... Железо, нож... – ткнул Аба пальцем в охотничий нож Луки на его поясе. – Же-ле-зо... А вот в этой речке, возможно, есть даже золото... И из леса, который растет здесь кругом, можно целый город выстроить! Тайгу мы любим, Луки, но любим мы ее не так, как ты. И ты сам увидишь, сколько сюда придет людей... А мы здесь только первые, я и Мойшка. Пройдет время – и ты ни за что не узнаешь эти места.

Луки внимательно слушает, молчит, думает. А Абе только сейчас приходит в голову, что Луки понимает далеко не все, что говорится на русском, и он дает себе слово в дальнейшем при общении с орочем подбирать как можно более простые слова. Жаль, что тогда, в перепалке с проводником, он до этого не додумался. Ну а если человек хотя бы в чем-то недоволен собой, настроение у него от этого не улучшается...

И Аба, и Мойшка, когда они еще ехали в поезде, довольно подробно рассказывали Луки, с какой целью им надо попасть в стойбище Журми. Тот слушал, кивал головой... Создавалось полное впечатление, что ороч понимает и смысл, и содержание всего сказанного. Если бы! К примеру, Луки не знал, да и не мог знать таких слов, как «завод», «известь», «инженер», и смысловая непроницаемость их вызывала у парня какую-то странную робость. Но спрашивать и переспрашивать – это уж определенно дурная манера. Если тебе что-то рассказывают, слушай и молчи. А начни задавать рассказчику вопросы, он может обидеться: раз его слушателям не все понятно, значит он толково говорить не умеет. У орочей так принято считать.

...Ночь густо усыпала высокое холодное небо россыпями звездных огоньков. Между тем поспела «таежная баня» Луки. От того огромного костра у отвесной скалы за час каменный пол сильно нагрелся. Луки и Аба с помощью длинных палок расчищают место, на котором полыхал костер, устилают его пихтовыми и кедровыми ветками, укладывают на эту «лежанку» полусонного Мойшку и укрывают его сверху всем, чем только можно. Теперь больной дышит теплым, почти горячим воздухом, который насыщен пряным духом свежей хвои, а все его тело прогревает благодатное тепло, идущее от самой земли. Потрескивает в каменном убежище путешественников костерок, и кажется, что сейчас нет вокруг них тысячеверстного мрака ночной тайги.

...Первым дежурить у костра вызвался Луки. Аба укладывается возле Мойшки, однако долго не может заснуть, слушая свистящие хрипы и неразборчивое горячее бормотание братишки, и в душе Абы вырастает тревога. То и дело просыпаясь от громких вскриков больного, Аба успевает увидеть короткий сон: к нему тянет руки мать, проводившая сыновей до самого выезда из старого их местечка, а он, старший ее сын, обещает ей беречь Мойшку. Сбережет ли?..

Во сне он все время чувствует с одной стороны жар, исходящий от ночного костра, и одновременно холод, подбирающийся к нему с другой стороны. И в сонном мозгу Абы попеременно всплывает то завод сплошь в огнях вращающихся печей для обжига известняка, то овеваемая снежным ветром, заброшенная в глушь первозданного леса группа охотничьих юрт – жилищ полудикого племени. При этом Аба страшно раздосадован тем, что выбиваясь из сил, он карабкается по крутому склону сопки и никак не может приблизиться к юртам на самой ее вершине... Он зовет на помощь. Но, оглянувшись, понимает: это не его крик – это крик стоящего далеко внизу по самый пояс в снегу Мойшки, он размахивает руками и кричит: «Несите уже сюда снег! Эй, вы что, не слышите?».

...Когда Аба проснулся, вокруг царил тишина. Он прислушался и с облегчением отметил про себя, что Мойшка дышит ровно, лежит спокойно, веки его плотно сомкнуты. А вот лоб и щеки у него прямо-таки пылают густым румянцем не то от сильного жара, не то от близкого к изголовью хвойной постели костерка. В сердце Абы вспыхнул огонек надежды, и он облегченно вздохнул...

Луки (Аба как раз собрался его сменить) сидел на каком-то чурбане, пододвинутом почти к самому костру. Глаза дежурившего закрыты, рот полуоткрыт, а на плоском лице охотника разлита по-детски плутоватая улыбка... Трудно сказать, спит Луки или не спит. Бесспорно ясно только то, что человек так или иначе пребывает сейчас в превосходном расположении духа, и Аба решил его пока не тревожить. Оставшись лежать с открытыми глазами, он долго смотрит в глубину холодных небес, по которым во всю свою ширь распластался Млечный путь, и задумывается о собственном жизненном пути...

Простой паренек, подмастерье кровельщика, он пришел однажды в городскую комячейку и точно так же, простым пареньком, немного робея, с потрепанным ранцем под мышкой ровно через два года он, Аба Готсдинер, сошел с поезда на шумном вокзале большого города – комсомольская ячейка направила его учиться на рабфак. Годы в общежитии, бессонные ночи за книгами, чертежами и расчетами – отнюдь не столь уж особенное начало жизни многих его ровесников – таких же парней, как и он. Потом Аба видит себя уже студентом строительного института. И вот уже ну совершенно невозможно узнать в нем того робкого парня с потрепанным ранцем. Тот, растерянно озирающийся вокруг на шумном вокзале местечковый кровельщик, остался теперь где-то далеко-далеко в прошлом. Теперь он, выпускник вуза Готсдинер, хотя, как и прежде, чувствует себя молодым и энергичным, но молодым и... зеленым. Потому что ничего такого особенного он на своем веку еще не совершил – он только готовится что-то совершить. Поэтому в выступлении на выпускном вечере, что называется, новоиспеченный инженер-строитель объявил, что поедет строить Биробиджан. «Хочу, – громко заявил он товарищам, – испытать себя на сложном и ответственном участке работы!». Так оно и получилось. Но вот в такой сложной, – да нет, просто в критической, – ситуации, как сейчас, он оказался впервые – может быть, даже впервые в своей жизни... И, что самое досадное, в то время, когда он уже сделал первые успешные шаги к осуществлению своей заветной мечты – достойно проявить себя в деле важном и ответственном. При мысли о том, что все может окончиться для него позорным провалом, Абу бросило в холодный пот. До сна ли тут?... К тому же занимался рассвет, на бледнеющем небе одна за другой гасли звезды – близился третий «командировочный» день начальника строительства будущего завода. И если бы не позавчерашняя дурацкая выходка Мойшки, он и проводник обшарили бы уже всю эту округу вдоль и поперек. А сколько работы еще впереди и сколько задач еще предстоит решить! Мало просто осмотреться, надо точно определить место, где следует начать заготовку леса и где лучше всего разместить бараки для рабочих. «Ох уж этот братец!» – шевельнулась где-то в глубине души Абы досада. Но тут же устыдившись нечаянного упрека в адрес Мойшки, он укорил за излишнюю мягкотелость себя: надо ли было тащить мальчишку в тайгу?

– Аба... – прервал его невеселые размышления чуть слышный голос Мойшки.

До этого неподвижно лежавший больной шевельнулся, чуть приподнял голову и снова повторил имя брата. Заметно осунувшееся бледное лицо, неестественно блестящие глаза, пересохшие губы... Острая жалость тронула сердце Абы.

– Пить... Пить хочу... – выговорил пересохшим ртом Мойшка.

Пьет Мойшка жадно, пьет долго. Аба придерживает его голову и вглядывается в такое знакомое лицо брата, на котором лежит сейчас печать странной отчужденности. Утолив жажду, Мойшка бессильно роняет светло-русую голову на хвойную подстилку и, сомкнув веки, снова впадает в забытие. Но у Абы появилась – пусть и совсем слабая – надежда на целительную силу «таежной бани». Однако ж эта надежда тут же сменяется сомнением: прикоснувшись ладонью к горячему лбу брата, Аба понимает, что температура у Мойшки

так и не спала, и опять начинает искать варианты выхода из положения. Может быть, смастерить из веток что-то вроде носилок и вдвоем с Луки отнести Мойшку обратно в Тигровую? Фу ты! И надо же до такого додуматься! В такую холодину и здоровому-то без движения оставаться опасно, а тут... «Нет-нет, уж будь что будет. Надо набраться терпения и ждать: пусть парень хорошенько пропотеет, отоспится, отдохнет, и это может его спасти», – подвел итог своим невеселым мыслям Аба. Он прощупал у Мойшки пульс, прислушался к его дыханию, озабоченно вгляделся в до боли знакомые черты милого лица. Ах, как бы хотелось Абе прочитать и понять за всем этим горячечные сновидения брата, в которых тот сейчас наверняка борется изо всех сил с тяжким недугом, оборачивающимся для него десятками зловещих призрачных образов... И тут Мойшка открывает глаза:

– Где я?.. – чуть слышно выговаривает он, на секунду открыв глаза. – Аба...

Он опять попросил пить и, сделав несколько торопливых глотков, снова погрузился в глубокий тяжелый сон. Весь он горит. Аба до боли прикусил губу, его левая бровь, надломившись, ползет вверх, тяжелые мысли заставляют низко опустить голову.

Когда Аба Готсдинер перед отъездом в Биробиджан приехал в родное местечко попрощаться с матерью и младшим братом, навстречу ему выбежал не худой босоногий парнишка в коротких трусиках, каким он помнил Мойшку, а стройный юноша, глаза которого прямо-таки лучились молодым задором. Удивил Абу пусть еще и не окрепший звучный басок брата. За считанные дни, проведенные братьями под крышей родительского дома, они тесно сблизились и, как бы заново узнавая друг друга, по-настоящему сдружились, прониклись взаимной симпатией. Тогда-то ими и было принято твердое решение больше никогда не расставаться.

Мойшка производил впечатление парня темпераментного, до дерзости смелого и ко всему прочему вдумчивого и сообразительного. Он находился в том возрасте, когда мальчишеская наивность сочетается у человека с еще нечетко осознаваемым стремлением к незнакомому, непознанному – к тому, что существует и вершится где-то в большом мире и одновременно живет в твоих романтических мечтах. А где приложить переполняющие тебя крепнущие молодые силы, если ты обитаешь в небольшом полусонном городке? Коротко говоря, Аба решил взять младшего брата с собой на Дальний Восток. В том, что Мойшка – парень с головой и толк из него точно выйдет, Аба нисколько не сомневался. В общих чертах план его был таким: прибыв в Биробиджан, он определит брата в техникум (насколько ему известно, это учебное заведение планируют там открыть следующей осенью). А пока Мойшка поработает с ним на подготовке строительных площадок для возведения нескольких бараков для очередной партии переселенцев.

Так оно примерно и получилось, когда братья Готсдинеры благополучно сошли с поезда в Биробиджане и к вечеру того же дня обживали комнатку на втором этаже нового дома неподалеку от вокзала. Уже в первые дни работы Аба убедился в том, что на Мойшку можно положиться во всем и без опасений. Надо было поехать в Хабаровск выбить наряды на стройматериалы – Мойшка поехал и выбил, потребовалось проверить, как идет установка оборудования на пилораме – Мойшка шел и проверял. Когда однажды возникла необходимость усилить бригаду рабочих на одной из лесосек, Мойшка сумел договориться о пополнении бригады лесорубами из казачьего колхоза и трудился на заготовке леса вместе с ними. А в начале недели, когда Аба собирался отправиться в Журми, Мойшка пристал к нему, что называется, как с ножом к горлу – возьми да возьми меня с собой, Аба, пусть и нехотя, уступил парню. Тот чуть не запрыгал от радости:

– Ой, Аба, Абочка мой дорогой! Ай, как хорошо!.. Ты сам увидишь, как я буду работать... Я, если хочешь, один могу здоровенное дерево повалить. Да! Не веришь?..

...Проходит несколько минут прежде чем Аба, как бы очнувшись, выпрямляется, невеселым взглядом обводит окружающее: по-зимнему серое утро, молчаливо и безрадостно встречает новый день тайга. Внизу, в долине, столетние кедры осыпают с верхушек белые шлейфы инея. Далеко-далеко на восточной стороне горизонта тлеет в складках сопок холодная утренняя заря.

Но что это?! У костра нет «дежурного» Луки. Аба встает, внимательно осматривается – Луки нигде нет. Вокруг стынет предательски зловещая тишина. Аба похолодел. «Что случилось? – задает он себе немые вопросы. – Куда он мог деться? Ушел? Может быть, решил сбежать и бросить нас здесь одних?..»

Он делает несколько поспешных шагов к краю площадки, потом возвращается, останавливается и, крепко зажмурившись, встряхивает головой.

– Луки! Лу-у-ки-и!.. – от напряжения поднявшись на цыпочки, изо всех сил кричит Аба.

– У-у... и-и... – отзывается ему дальним эхом тайга. «Да нет... Быть такого не может... Чтобы бросить меня здесь, посреди тайги, с больным братом на руках... Ну вот где же он?!»

– Луки! Луки-и! – снова кричит Аба, кричит так громко, что с ветки ближнего дерева начинают сыпаться искорки снежного серебра. Оклик – эхо... тишина...

Торопливо подбросив в затухающий костерок несколько дровин и получше укрыв Мойшку, Аба чуть ли не бегом отправляется на поиски исчезнувшего проводника. Торопливо поднявшись по склону сопки повыше, он останавливается и, немного отдышавшись, оглядывает не заслоняемый отсюда кустарником ближний край долины и отчетливо видит протянувшуюся по глубоком снегу вдоль берега реки ниточку свежих следов. Чьи они, эти следы, гадать не надо. Потерявшись в прибрежных кустах, следы показываются снова и снова исчезают за деревьями у подножия сопки, с которой они – Аба, Луки и Мойшка – спустились в долину вчера.

...Луки, поддерживавший огонь костра, время от времени впадал в полудрему и еще до наступления рассвета почувствовал себя вполне отдохнувшим. Но тут им вдруг овладело какое-то непонятное беспокойство. Ему показалось, что пока он спал, здесь поблизости произошло что-то такое, в чем он не может сейчас дать себе отчета. Пытаясь понять причину столь странного ощущения, он поморщился, как от приступа головной боли, затем медленно вытянул одну ногу, занемевшую за время сна, потом вторую, потянувшись всем телом, встал. Судя по положению ковша Большой Медведицы, ночь подходила к концу, и вот-вот начнет светать. Деревья в темноте смотрятся нечетко и,

скорее, похожи на тени. Луки бросает взгляд на север – в этот предзвездный час из его родного стойбища Яхса орочи выходят на охоту...

Луки замечает, что начальник Аба, лежа спиной к костру, сейчас, в отличие от устало посапывающего во сне Мойшки, вроде как и не спит. Но ведь это можно даже очень легко проверить. Несколько секунд неподвижно постояв у костра, Луки запускает руку под шапку, со свирепой миной на лице яростно чешется, со стоном зевает. Сообразив, что Аба на все это никак не реагирует, ороч что-то бормочет себе под нос, на цыпочках, позвериному бесшумно подкрадывается к ружью и, неуловимым движением поправив ремешки на унтах, так же беззвучно исчезает в темноте...

...Три охотника из его стойбища – сам Луки четвертый – недавно отправившись на добычу соболя, забрели в тайгу слишком далеко. И кто бы мог ожидать, что в густом кедровом на одного из четверки бросится тигр? Только почти сверхъестественная реакция потенциальной жертвы и пуля, попавшая хищнику прямо в голову между глаз, спасли человеку жизнь. Чудом уцелевший охотник поднялся на сопку поближе к вершине и трижды выстрелил в воздух, что было условным сигналом общего сбора. Легко представить себе удивление компаньонов удачливого стрелка, увидевших неподвижно распростертого на земле страшного зверя амбу. По достоинству воздав должное отважному товарищу, охотники попарно связали передние и задние лапы тигра, продели между ними две толстых палки и приготовились с ношей в дорогу. Неожданную добычу следовало целиком доставить в контору «Заготсырье». Только куда идти? Можно было двигаться в направлении Кукана, где такая контора была и куда охотники из стойбища Яхса обычно сдавали пушнину (до Кукана полтора дня пути). Но точно такая контора была и в Тихонькой, добираться до которой надо было бы несколько дольше. Договорились двигаться в Тихонькую: туда, охотники знали, убитых тигров если и доставляли, то, может быть, от силы всего каких-то пару раз и потому как редкую добычу промысловиков, так и их самих оценят там по достоинству и оценят высоко.

Весть о том, что орочи принесли из тайги убитого тигра, разнеслась по городку на удивление быстро. Сами охотники в это время скромно сидели на крыльце заготконторы и перекусывали. При этом выглядели они так, как будто раскаивались в содеянном. В это самое время к ним подошел какой-то парень, немного постоял, а затем, непрерывно размахивая руками и как-то странно оглядываясь по сторонам, обратился к пришельцам из тайги, чуть не через каждое слово повторяя: «Журми... Журми...». Из всей четверки охотников немного понимал по-русски только один Луки. Он и перевел своим товарищам, что этот странноватый чужак хочет (а «чужака» звали Абой Готсдинером), чтобы кто-то из них, охотников, провел его в Журми.

...Немного понимать русский Луки научился у Сава Доонкана, старого охотника из его стойбища – человека, который за свою жизнь промерил шагами всю тайгу вдоль и поперек, многое повидал и с возрастом приобрел привычку много говорить – причем говорить по делу и не по делу. Подчас Сава рассказывал сородичам такие невероятные истории, которые никому и во сне не могли присниться. В стойбище старика Доонкана считали большим лгуном и его мало кто слушал. А вот Луки любил навещать Савину юрту и, покуривая трубку возле уютно потрескивающего в очаге костерка, до позднего вечера с неослабеваемым интересом слушал рассказы старика о необыкновенных происшествиях и охотничьих приключениях. Луки по натуре был человеком любознательным, и Сава с его рассказами парню определенно нравился. Охотно принимал его у себя и старый Доонкан. Кстати сказать, именно Луки в тот день убедил охотников нести убитого тигра в Тихонькую, а не в Кукан...

В отличие от других обитателей Яхса Луки тайно считал Саву еще и самым умным человеком в стойбище. Несколько лет назад, рассказывал Доонкан, он первым увидел белых людей, которые пришли в эти места откуда-то издалека и стали искать среди местных жителей такого, который бы мог побольше рассказать чужакам о тайге и о жизни людей в тайге. Разумеется, что рассказчик этот должен был говорить на русском.

Ну а кому в округе было не известно, что человек такой среди орочей есть и зовут его Сава Доонкан? Только вот чего бы ради ему, в свое время знаменитому охотнику Доонкану, о чем-то кому-то рассказывать? Так что старик от предложения чужаков наотрез отказался, как его ни уговаривал их посланец. А другие орочи из местных – самые старые – знали не больше десятка-другого русских слов. Пришельцы в отношении языка коренных жителей тайги находились в том же положении. И при попытках общаться между собой представители обеих сторон так коверкали язык друг друга, что о каком-то взаимопонимании просто речи быть не могло.

И вот что однажды случилось в Яхса во время переговоров пришлых «белых» с обитателями стойбища. Когда их беседа окончательно зашла в тупик, из своей юрты, кряхтя, выполз худой сгорбленный Сава Доонкан и что-то крикнул уже собравшимся уходить чужакам. Те удивились и повторили слово, только что услышанное от старика-ороча (позднее Луки узнал, что так по-русски люди приветствуют друг друга). После этого Сава подошел к чужим и что-то быстро при этом заговорил совсем не по-орочонски. Да и заговорил-то еще даже быстрее, чем эти русские. Стойбище замерло, обитатели его прям-таки оторопели от удивления...

Язык, на котором умел говорить Сава, заинтересовал Луки. Мало-помалу он кое-чему у Доонкана и научился. Из долгих рассказов старого охотника он немало узнал также и о людях, которые говорят на чуждом орочам языке, и о жизни этих людей. Они, оказывается, не ходят на охоту, не ловят рыбу, и даже юрты, в которых они живут, нисколько не походят на жилища орочоносов. В Тихонькой, когда охотники принесли сюда убитого тигра, он увидел это собственными глазами, хотя понимал и понял из увиденного далеко не все. И это «все» поразило его еще больше, чем то, что он прежде узнавал из услышанного от Савы. Тогда, в юрте Доонкана, Луки втайне полагал, что тот свои повествования, пожалуй что, тут же на ходу и сочиняет, хотя, верно, и не все в них неправда. Но теперь-то он увидел что? Увидел большие ящики, в которых ездят люди, а в ящики эти ездоки здесь совсем никого не запрягают. Зато двигаются большие ящики с круглыми ногами куда быстрее, чем олени упряжки под гору. А глаза-то у них как горят! Увидел Луки здесь, в Тихонькой, и вкопанные в землю столбы, которые наверху, на другом конце светятся. Всю ночь такие столбы горят (почему-то вовсе без дыма!), но – удивительно! – не сгорают. И сами люди какие-то... Бегают, шумят, суетятся... Да вот он один из таких. Подошел откуда-то, размахивает руками, просит, чтобы кто-нибудь из охотников проводил его до Журми. Этим «кем-нибудь» тут же захотелось стать Луки Удигану. Но он, конечно, и виду не подал, что захотелось. Настоящий охотник никогда не должен внешне проявлять своих чувств. А разве Луки Удиган не настоящий охотник? Не

дрогнув бровью, он перевел товарищам слова незнакомца. Те с достоинством перевод просьбы выслушали, переглянулись, но никто и слова не вымолвил. Все продолжали есть. Закончив обед, охотники дружно достали трубки и закурили, а о чернявом парне, что стоял в сторонке, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, охотники как будто просто забыли. Но тот, надеясь хоть на какой-нибудь ответ, не уходил. Наконец один из куривших – тот, что с одного выстрела уложил в кедраче тигра и который по этой самой причине был немедленно признан остальными старшим – неторопливо вынул изо рта трубку и, согласно кивнув головой, проговорил:

– Да, это можно...

Затем, переведя взгляд на Луки, продолжил:

– Скажи этому человеку, что с ним можешь пойти ты. Ты понимаешь по-русски, и у тебя молодые ноги... И пускай он хорошо заплатит...

Луки польстило мнение старшего о нем. Но решение об отправке Луки в Журми было принято только после того, как остальные двое из четверки сидевших на крылечке молча покивали головами и, улыбаясь щуря черные как ночь глаза, в один голос произнесли:

– Мы согласны...

Пойти в тайгу вместе с Абой и Мойшкой Луки согласился с радостью. Ему давно хотелось побыть ближе к людям, о которых так много необычного он слышал от старика Доонкана, и побольше узнать о них самому. Поначалу он даже не задумывался о том, с какой целью эти двое направляются в Журми. Но вот он, попрощавшись с товарищами, стоит на краю кочковатой мари и долго смотрит им вслед. Охотники уже перешли через пустынную долину, слегка припорошенную снегом, и вот-вот уже едва различимые отсюда их фигурки исчезнут под покровом седой тайги. Именно в эту минуту Луки остро ощутил холод одиночества, и его с неодолимой силой потянуло домой, в Яхса... Со временем чувство разлуки с родным стойбищем у парня стало несколько слабее, но не покидало его ни на день.

К двум своим спутникам он, их проводник, испытывал вполне объяснимое для него самого, хотя и скрываемое его естественным простодушием подозрение: зачем эти двое идут в тайгу и что они – не рыбаки и не охотники – собираются делать в Журми? Оттого он был постоянно настороже и в готовности, если что (хотя Луки весьма туманно представлял себе ситуацию «если что»), он тут же, как это в стойбище у него получалось лучше всех, мог вмиг исчезнуть из поля зрения близстоящих, укрывшись за деревом, за кустом, за пнем, за камнем, за болотной кочкой...

Накануне, на вершине сопки, когда Луки увидел, что стойбище, к которому он вел этих двоих, откочевало, он увидел и то, как это неприятно задело и даже обозлило начальника Абу, посчитавшего виновником произошедшего своего проводника. Это и был момент, когда Луки был готов бросить этих двоих. Однако что-то помешало ему тут же сорваться с места. Что же? А то, что по закону тайги чужой человек в юрте ороча, в стойбище или даже где-нибудь неподалеку от него – это твой гость, а гостей надо уважать. Разве сам ты, странствующий по необозримой тайге охотник, не можешь по прихоти случая тоже оказаться чьим-то неожиданным гостем? «Но ведь эти пришли сюда рубить тайгу, – сказал себе тогда Луки, – так что они здесь не гости. – Они шли в Журми не с добром! Нет, это не гости! Значит, оставаться с ними я не должен – надо уйти!» Но как раз в эту минуту Аба попросил его подумать, что теперь делать с беспомощным Мойшкой. И Луки остался стоять, где стоял. Ведь разве не тот же самый закон великого царства лесов гласит: «Если ты ведешь человека, то ты его хозяин, а если ведет тебя он, то гость – это ты»? И еще: «Не оставляй человека в тайге одного. Пусть он тебе даже чужой. Если он вдруг погибнет, виновным в его смерти станешь только ты, и тебе неизбежно воздастся тем же». Именно об этом подумал Луки в тот критический момент, стоя на каменистой вершине безымянной сопки. И он не ушел от братьев. Они его, Луки Удигана, гости, и он, – по закону тайги их хозяин, – обязан сделать все, чтобы людей этих спасти...

Но остался Луки с братьями не только поэтому. Ведь проводником он стал не совсем по собственному желанию, но и по наказу сородичей, всегда прочно объединенных между собой непостижимой полумистической связью и неосознаваемой взаимозависимостью. К этому надо добавить и то, что по завершении миссии, исполнение которой выпало на долю Луки Удигана, он будет обязан – уже под пологом юрты, сидя перед уютно потрескивающим костерком в очаге – во всех подробностях поведать своим слушателям обо всем, что он видел, слышал и что нового узнал, пребывая вне стойбища. И это тоже одна из «статей» племенного закона орочей.

www.gazetaeao.ru

Болезнь Мойшки и забота о нем, можно сказать, по-своему сдружила Луки и Абу, хотя внешне их близость не проявлялась никак и о безусловном взаимопонимании в их отношениях речи пока что быть не могло. Но вот накануне вечером Аба рассказал проводнику, что они, «чужие», пришли сюда, чтобы сделать здесь все так, как в Тихонькой. И как тут было не поразиться Луки? К тому же, когда он сообщит об этом в Яхса, в глазах сородичей его авторитет окажется не ниже, чем у лучших охотников стойбища, а сам он теперь вправе даже гордиться, что судьба свела его с такими большими людьми. И всю ночь, сидя перед бивуачным костром, Луки временами впадал в полудрему и видел на удивление странные сны, в которых ему представлялось нечто необъяснимое, что как будто бы происходило по другую сторону сопки. И в душу охотника закралось смутное беспокойство, прогнавшее остатки предутреннего сна.

...И вот уже Луки размашисто шагает по затвердевшему на этом склоне сопки снегу. Липкого ночного холода кожей лица Луки ничуть не ощущает, хотя его брови и ресницы белы от инея. Впрочем, бледный рассвет в тайге обильно кроет здесь седой морозной пылью все подряд – деревья, кусты, жесткие метелки высокой травы, торчащие из-под снега. Но Луки среди всего этого чувствует себя мало сказать превосходно: естественное тепло на зависть крепкого и здорового тела надежно сохраняют доха, хорошо подогнанная косматая шапка-ушанка, легкие меховые унты. Ну а заряженное ружье в руках – отрада охотничьей души. Но и сейчас время от времени в нем почему-то снова просыпается то тревожное чувство, которое он так остро испытал в предрассветный час и которое так настойчиво потянуло его сюда, в тайгу.

Вместе с тем у Луки не выходит из головы все то, что он видел и слышал в Тихонькой. Может быть, оттого, что тамошняя шумная жизнь так контрастирует вот с этим мертвящим безмолвием тайги на пороге зимнего дня? А в Тихонькой ему ведь даже

понравилось. В родном его стойбище все просто, все знакомо и привычно, а там у них все было не так, все по-другому и... «по-непонятному». Может, и здесь, на месте, где располагалось Журми, тоже, как говорил начальник Аба, все будет иначе? И он, Луки, позднее, – лучше вот так же, зимой, – уж непременно придет сюда, чтобы посмотреть, как и что переменится в этой округе. Да, он придет, обязательно придет...

На нижней ветке ближнего кедра сидит белка и, поблескивая глазками-бусинками, с любопытством разглядывает Луки. Но тот заметил ее слишком поздно и слишком поздно сорвал с плеча ружье. Испуганный зверек, показав охотнику пушистый хвост, мгновенно скрывается в густой хвое, оставив после себя струйку осыпающейся снежной пыли. Луки досадливо поморщился и, оглядевшись, удивился: ничего себе! – он даже не заметил, что так далеко ушел от места ночлега. Взяв ружье наперевес, он направляется в обратный путь. Нет, сейчас он, скорее, не просто идет, а крадется, по-кошачьи мягко ступая по снегу, стараясь не задевать трескучие кусты и низко нависающие над землей ветви. Через несколько минут прямо из-под ног охотника с шумом вылетает фазан. Прицел, выстрел – и птица, кувыркнувшись в воздухе, камнем падает в ближние кусты. Луки укладывает добычу в мешок, забрасывает ружье за спину, ускоряет шаги и, уже не оглядываясь по сторонам, идет дальше.

Прошло никак не меньше часа, прежде чем он еще издали увидел сизый столбик дыма, наискось перечеркнувший темный массив ближней сопки: костер в ночном лагере не погас. Луки останавливается и, сощурив глаза, озабоченно вглядывается в направлении лесного убежища: как там они, его обитатели? Но он сейчас не спешит к ним, а, чуть помедлив, решительно поворачивается направо и прыжками спускается вниз по крутосклону к речке – туда, где было исчезнувшее стойбище. Оказавшись на расчищенной площадке, Луки неспешно обходит ее в разных направлениях, пристально всматривается во все, что оказывается в поле зрения, несколько раз возвращается на одно и то же место, наклоняется, трогая носком унта что-то видимое только ему. Останавливается. Оглядывается по сторонам, беззвучно шевеля губами... Создается полное впечатление, что человек ищет что-то потерянное. Вот он подошел к самому подножию сопки, с которой накануне им было обнаружено исчезновение Журми, вот что-то вдруг заставило его выйти на неровный речной лед... Наконец вплотную подойдя к обрывистому склону известняковой сопки, с которой он только что спустился сюда, Луки останавливается в глубокой задумчивости.

Постояв так с минуту, он вынимает из ножен охотничий нож, решительно подходит к ближнему деревцу и ловкими движениями срезает его под самый корень. За первым деревцем следует очередь второго, третьего... И в этот самый момент, что называется, на сцене появляется Аба. Увидев не меньше десятка разбросанных по снегу длинных шестов и кучки кедровых лапок, он тут же сообразил: Луки взялся за какое-то необычное дело и взялся явно неспроста.

– Ну вот! А я уж плакал – думал, что тебя медведь скушал! – еще издали, обходя в беспорядке разбросанные палки, крикнул Аба проводнику. – А то утром смотрю – нету моего Луки! – нарочито раздельно и громко продолжал Аба, словно ребенок радуясь «находке»: он ведь и правда не на шутку испугался, думая, что проводник бросил их в тайге. – А что это ты тут делаешь? – вопросом заключил Аба свой монолог.

Луки, сидя на корточках, сноровисто орудует ножом, обрабатывая еще один ствол кедра. В ответ на вопрос широко улыбается, кивком головы показывает на лежащие рядом шесты и продолжает свою работу.

– Ну и зачем тебе эти палки? – продолжает Аба, присаживаясь рядом с проводником.

Луки опять молчит, а из-под его ножа начинают сейчас выходить ровные розоватые клинышки. Затем, крепко держа в руках обработанный шест, Луки один за одним легко вгоняет эти клинообразные колышки в шест с одного его бока.

– Моя юрта делай, – вставая, отвечает Луки. – Моя юрта ставить.

Луки горделиво вскидывает подбородок, улыбочиво щурит черные как смоль глаза и, пряча в ножны внушительного вида нож, добавляет:

– Твоя хочу посмотреть, нет?

Аба от удивления широко открывает глаза:

– Юрту?! Ну Луки, да ты прямо на все руки мастер! Честное слово, мастер. Ведь это тепло будет, да? Ну так конечно, это лучше, чем под открытым небом... – сам себе же отвечает Аба, и, словно обдумывая что-то важное, некоторое время вышагивает по краю площадки туда-сюда. Остановившись перед Луки, спрашивает:

– Ну что? Этих твоих палок тебе уже хватит? Тогда пошли?.. Давай и я тоже возьму понесу, – и упавшим голосом тихо проговорил: – Мойшку-то мы одного там бросили.

...Сооружение юрты начинается с разведения костра. Оттаявшую под ним землю убирают – образуется небольшое углубление.

– Здесь юрта гореть огонь, – объясняет Луки.

Углубление для очага будет центром круга, по которому в наклонном положении расставляются длинные шесты. Их верхние концы сходятся как раз над самой лункой будущего очага – и конусообразный каркас жилого помещения готов. Внутри такого «конуса», когда его сооружение будет завершено, по расчетам Луки могут свободно разместиться как раз три человека. В юрте они могут лежать, сидеть, но только не стоять.

Теперь Абе впору вспомнить свою первую профессию кровельщика, но только совсем уж в необычном ее варианте. Сейчас он и Луки накрывают каркас будущей юрты пихтовыми лапками, развешивая их на деревянных колышках, вбитых в шесты, а поверх хвойного покрова юрты потом будут уложены еще пласты березовой коры, что послужит надежной защитой от ветра. Тепло в жилище будет сохранять также и снег, которым Луки после всего забросает покатые бока юрты-«новостройки». Только вот у «кровельщика» и «проектировщика» на завершающем этапе «жилищного строительства» отношения не сложились: Луки считает этот самый этап чрезвычайно важным и ответственным: и хвою, и бересту, и верхний слой снега, который будет постепенно таять от тепла внутри юрты, надо еще уметь уложить, как должно – иначе стенки юрты «заплачут» от тепла, исходящего изнутри нее. И когда в ходе «кровельных работ» Аба навешивает пихтовую ветку, по мнению Луки, не так, как следует, он тут же, ни проронив ни слова, перекладывает эту ветку по-другому. Так повторяется еще и еще раз, так что, в конце концов, уяснив в чем дело, Аба от работы кровельщика отказывается уже второй раз в жизни: слишком уж требователен и придирчив таежный «прораб»...

Между тем мороз постепенно усиливается. Выдыхаемый ртом воздух клубится белым паром и тут же оседает инеем на воротнике, на шапке, на бровях и ресницах. Поднявшееся зимнее солнце совершенно не греет, но в его ярком свете неприятный таежный мир меняется, как по волшебству. Окружающие сопки, в сумраке ночи навевавшие безотчетную тревогу, прямо-таки засияли белизной заснеженных вершин. По-иному выглядят в дневные часы и хвойные деревья-исполины, навечно вросшие потрескавшимися краснокорыми стволами в неколебимую земную твердь. Но как легки их голубые тени на белоснежной скатерти широких полей! Повсюду – на промерзших кустах, на камнях, на сучьях и ветвях – лежит алмазная пыль изморози. А высоко-высоко в безмятежную голубизну неба впаян крестик парящего коршуна... Нет, ни отдаленно, ни даже приблизительно передать словами былинную мощь и дикое величие этого края не смог бы, пожалуй, никто...

Аба, присев на корточки, выбирает из кучки хвойных веток для кровли более подходящие.

– Послушай, Луки, – обращается он к проводнику. – А ты что, еще и теперь думаешь, что люди из Журми откочевали отсюда из-за нас? Может, у них была причина уйти подальше в тайгу, чтобы охотиться там, а не здесь... Вот они и переселились...

www.gazetamed.ru

Орочон берет из руки Абы протянутую ему ветку, в упор смотрит на «начальника», задумывается. Потом смотрит под ноги, на истоптанный снег и с явно извиняющейся интонацией произносит:

– Это моя тоже понимаю нет... Так быстро орочон не кочевать... Я вчера много смотреть, много думать, сейчас думать опять – понимаю совсем нет...

Луки поднимает глаза на Абу и встречает на себе пронизывающий взгляд «начальника», изменившееся лицо Абы выражает крайнюю степень недовольства.

– «Много смотреть, много думать»... Ну и что ты высмотрел?

– Моя видел... Моя видел Журми пять юрта был... Двадцать три собака был... Пять сани... Журми вверх по речка уходи... Шибко быстро уходи – шибко собака гони...

Аба на секунду представил себе картину того, как горстка орочей мчит на скрипучих нартах по замерзшей речке... Представил хмурое предвечернее небо над тайгой, неподвижно сидящих в орочонских санках закутанных в зимнюю одежду женщин и детей, свистящие бичи каюров-погонщиков, ездовых собак, которые, высунув языки, на бегу успевают кусать друг друга, понуждая бежать еще быстрее, прижимают уши и выбрасывают передние лапы так далеко вперед, словно хотят вырваться из собственных шкур...

– Ну говори-говори дальше, что ты еще видел? – прервал сбивчивый монолог проводника Аба.

– Еще видеть что нет, а знать однако хорошо, – хмурясь, продолжал Луки. – Стойбище вперед нас чужой человек пришел... Не орочон человек... Его в сапога ходи... Орочон сапог совсем не ходи... Его папираса кури. Такой, как ты, папираса... Вот! – извлек он откуда-то из-за пояса смятый окуроч и показал его Абе. – Его одна юрта ходи, другая юрта ходи, еще юрта... Этот человек маленько мало был... Журми уехать – его сам скоро-скоро уходи... – в Тигрово уходи... Больше моя совсем ничо не знай...

И после долгого и тягостного молчания со вздохом добавил:

– Журми два солнца уехать.

– Два дня назад, выходит, – перевел для себя Аба. – Это мы, значит, как раз в Тигровой были...

Тут Аба замолчал, по лицу его медленно расплывается бледность, левая бровь, переломившись, ползет вверх. Он даже скрипнул зубами, что, пусть и не так часто, бывало случалось с ним в состоянии бессильной ярости. Приподнявшись, Аба бросает

угрожающий взгляд в сторону «вчерашней» сопки так, словно видит на ее вершине того... чужого... обутого в сапоги...

– Проклятье! Ну теперь ты от меня пощады не жди... Я с тобой точно поквитаюсь, – глухо выговаривает он, невольно сжимая кулаки. – Ну что, Луки, сейчас ты хоть что-то понял? – обращается Аба к проводнику, неподвижно застывшему неподалеку с еловым «веником» в руке. – Вот ты подумай сам: разве этот... ну тот чужой из Тигровой нам не враг?.. Враг лютей! Да он нам с тобой горло готов перегрызть. Это он пришел в Журми охотников испугать. Плохой, очень это плохой человек. Он хотел, чтобы мы тут заблудились и замерзли! Ты меня понимаешь, Луки? – с дрожью в голосе заканчивает Аба.

– Моя понимай, – хмуро отвечает орочон, и в глазах его блеснул злой огонек. – Твоя знай этот чужой? Твоя в Тигрова мине эта человека показать, нет?

– Ну да как же я тебе его покажу? Я ведь и сам его не знаю, – с горькой усмешкой ответил Аба. – Если б я этого гада только знал, да я б его!.. – выразительно потряс он перед собой крепко сжатыми кулаками. – Но мы с тобой, Луки, обязательно его узнаем и заставим за все расплатиться сполна. Уж ты мне поверь!

– Моя не понимай, – озадаченно проговорил ороч, глядя в глаза начальнику. – Твоя этот чужой совсем не знай? Нет? А как его твоя враг? Почему так?

Аба окинул проводника пристальным взглядом: на лице Луки читалось и сочувствие собеседнику, и явная неудовлетворенность его объяснениями.

– Понимаешь, Луки, – начал Аба. – У человека бывают и такие враги, которых он и не знает вовсе... Вот как мы не знаем того, чужого. И таких людей, как он, здесь, Луки, еще много. Только вот таких людей, как мы – ты и я – здесь много-много больше. А кто наши враги? Такие люди, которые сами ничего не делают, делать не хотят, а много едят и много спят. В общем, живут очень-очень хорошо, а работают за них другие люди – те, которых намного больше... Они, кто работает, и построили такие дома, которые ты видел в Тихонькой. А мы там построим домов еще больше. Красивых домов, заметь. Мы уже много сделали для того, чтобы не было голодных людей, которые жили в подвалах. Там! – ткнул Аба пальцем в землю... – И чтобы они не болели и не умирали... Вот ты наверняка не можешь знать и помнить тех чужих людей, которые приходили в ваши стойбища и в обмен на какие-нибудь безделушки и стеклянные цацки обманом забирали у вас дорогие меха, – привстав и сильно жестикулируя, продолжал Аба. – Да ты поговори со старыми охотниками – они тебе обязательно про это расскажут... Но пришло время, и люди, которых много, собрались вместе и прогнали бездельников, и отняли у них все то, что было сделано нашими руками... Ну и, конечно, за это нам пришлось драться. Поэтому много людей погибло – и наших, и чужих. Ведь они никак не хотели отдавать добром то, что отобрали у рабочего народа. А те, кто из плохих людей остался жив, убежали с нашей земли. Да только не все они сбежали – некоторые остались среди нас и исподтишка поодиночке вредят нам... А некоторые из этих вредителей скрылись в тайге и затаились тут... Но ты сам увидишь: раз мы сюда пришли, не будет им здесь места... И этому чужому, который в Журми приходил, тоже...

– Хо! – в ответ издал Луки громкий гортанный возглас, в тоне которого удивление слилось с безусловным одобрением сказанного Абой, в основном понятого правильно, и твердая уверенность в победе над коварным врагом. Ну и разве надо было охотнику добавлять к столь выразительному его ответу еще какие-то слова? Несколько секунд постояв рядом с Абой, Луки снова принимается за работу. К нему присоединяется и его помощник. Некоторое время оба действуют молча и сосредоточенно, пока Аба не останавливает Луки требовательным жестом. Тот вопросительно смотрит на начальника.

– Послушай, Луки, – подойдя вплотную к проводнику, с хрипотцой произносит Аба. – Послушай, что я тебе скажу, – заметно потеплел голос Абы. – Оставайся-ка ты, брат, с нами. На нашей стройке, Луки. Сюда придет много людей – много работников,

строителей, лесорубов. И ты всем нам здесь во как будешь нужен!.. И самому тебе будет хорошо... Работать, как все, будешь. А мы тебя еще и читать-писать научим, да!..

Ороч внимательно выслушивает начальника, на лицо его ложится тень озадаченности, скорее даже настороженности, через какое-то мгновение сменившаяся выражением суровой отчужденности.

– Оставайся, Луки, – просительно повторяет Аба.

В ответ проводник, энергично встряхнув головой, медленно, с нажимом проговаривает:

– Моя не может!.. Моя мало-мало белый люди совсем близко хотел смотреть... Люди ходи... Люди приходи... Моя охота надо... Моя тайга люби... Моя другой живи нет...

Аба молчит. А его реакцию на слова Луки выдает разве что высоко приподнявшаяся левая бровь. Нет, не так уж прост этот парень из дикого леса, поначалу казавшийся ему по-ребячьи наивным, легко предсказуемым и предельно открытым. Да, полагаться на безошибочность первого впечатления, очевидно, не следует ни в коем случае...

www.gazeteno.ru

Костер тем часом начал прогорать, и Аба пошел к нему, чтобы подбросить в огонь несколько сухих веток. Дождавшись, когда пламя снова затрепетало под легким ветерком, Аба подумал: пора бы приготовить что-нибудь поесть и тут же принялся ощипывать фазана, так кстати добытого проводником. Разделив тушку на несколько кусков, он поместил их в жестяное ведро Луки, до краев набив котелок снегом и подвесив на палке над огнем. Точно так, как накануне вечером проделал это Луки, когда кипятил воду для чая. «Ну а как там наш Мойшка?» – встрепнулся Аба, заглядевшись было на игру огня. Он делает несколько шагов к неподвижно лежащему больному и видит, что все лицо брата в мелких бисеринках пота. «Так это ж... Так это значит дело-то никак на поправку?! – всколыхнула Абу радостная догадка. – Ну а теперь что же?» Словно в поисках ответа он поднял голову и невольно зажмурился от ослепительного солнечного света. Потом низко наклонился над хвойной «постелью» больного и, встав на четвереньки, всмотрелся в его лицо: оно у него и вправду выглядело так, будто парень только вышел из жарко натопленной бани.

– Луки, Луки! – окликнул он проводника, – Подойди-ка сюда. Тут такое дело...

Тот на секунду отвлекся от работы, но, как видно, глубоко погруженный в свои мысли, отозвался не сразу.

– Ко мне, говорю, подойди, – настойчиво повторил Аба.

Луки подошел, остановился и, выжидательно глядя на «начальника», молчал. Аба потянул Луки за рукав, заставив парня присесть на корточки рядом. Луки подчинился, но на лице его читалось недоумение.

– Да ты разве не видишь?! – хлопнув Луки по плечу и пристально глядя ему в глаза, чуть ли не с обидой воскликнул Аба. – Дружище ты мой дорогой, Мойшка-то, кажись, таки на поправку пошел, а? Вишь, как он употел! Ну видишь же?

Луки пристально вглядывается в лицо спящего Мойшки, но радости начальника как будто не разделяет. Может, оттого, что охотнику не пристало походя выражать свои чувства. Поднявшись, Аба подходит к куче хвороста и, набрав целую охапку сушняка, бросает ее в костер. Костер густо задымил, скрыв из глаз котелок с нехитрым варевом, потом огонь, рассыпав рой искр, разгорелся и в его свете стали отчетливо видны лица всех троих обитателей каменного убежища. Ни слова не говоря, Аба снимает с себя полушубок и, оставшись только в кожанке, накрывает им Мойшку. Стоящий рядом Луки, едва ли не в точности повторив движения Абы, проделывает то же самое с лосиной дохой. Теперь проводник предстает перед глазами Абы в причудливо украшенном узорами из полосок и кусочков меха подобии рубахи, плотно облегающей торс охотника. Словно извиняясь за что-то, Луки виновато улыбнулся и, круто повернувшись, снова направился к юрте, провожаемый благодарным взглядом Абы. Сейчас он, уже по праву считающий себя человеком достаточно солидным и прочно утвердившимся в жизни, с предельной ясностью ощутил, насколько прочно связали его все эти непредвиденные обстоятельства и события последних дней с полудиким охотником, как бы явившимся на его пути откуда-то из глубины веков. Хотя не сама ли древность предстает перед человеком, волею судьбы заброшенным в бескрайнее море тайги – море, вздыбленное навечно застывшими каменными волнами сопок? Однако где бы сейчас ни находился в этом чуждом для него, суровом и неприятном пространстве инженер Готсдинер, куда б он ни шел, что бы ни делал, он мог быть уверенным, что о нем, о его безопасности и, по возможности, о его благополучии постоянно думает человек, ставший поначалу пусть и случайным его спутником, но к этому времени – определенно – и товарищем...

Мойшка открыл глаза. Но взгляд его не выражает ничего кроме полного безразличия. Сквозь полуоткрытые веки он долго смотрит в голубую пустоту зимнего неба и снова как будто засыпает. Но вот он вновь открывает глаза и, чуть повернув голову, уже как будто вполне осмысленно вглядывается в заснеженные вершины сопки, в тяжело нависающие над землей ветки ближних елей. Еще одно движение головой – и в поле зрения Мойшки оказывается трепещущий огонь костра. У костра сидит Аба. Да, это Аба, но его щеки и подбородок кроет сейчас густая щетина.

– Ну, мой герой, как мы себя чувствуем? – ободряюще улыбается он Мойшке. По контрасту с чернотой небритого лица ровный ряд зубов Абы кажется у него еще белей, чем обычно.

Мойшка несколько секунд сосредоточенно смотрит на брата, пытается ответить ему улыбкой, но попытка оказывается неудачной – улыбка получается слабой и болезненной. Мойшка снова закрывает глаза, а когда открывает их снова, то видит сидящего вплотную к его хвойной постели Абу, а за ним – широкое и широко улыбающееся красное лицо... монгольского божества. «Кто это?» – теснится в мозгу Мойшки вопрос. «А-а, это же Луки...», – опять неумело пытается улыбнуться Мойшка и орочу. Говорить больному сейчас трудно: во рту у него пересохло, язык как будто обтянут чужой толстой кожей, шумом отдаются в висках удары сердца, и сам он ощущает странную слабость, словно у него отняты руки и ноги. С трудом выговаривая слова, Мойшка просит воды, чтобы прополоскать рот и снова бессильно роняет голову на зеленую «подушку». Тяжело дыша, он силится что-то сказать, причем сказать нечто важное, но мысли у него путаются и он никак не может вспомнить, что же ему только что хотелось сказать брату... Тут же внимание больного переключается на ярко-оранжевое свечение: это вышедшее из-за

верхушки скалы полуденное солнце ударило в глаза Мойшки сквозь плотно сомкнутые веки и заставило его сначала повернуться на бок, а потом попытаться, опираясь на локоть, приподнять голову.

– Ты что-то хочешь? – наклоняется к брату Аба.

– Нет... Может, только... Может, только поесть...

– О, так это же ну просто здорово – поесть!

Сначала Мойшка получает несколько ложек наваристого бульона из котелка, в котором только что сварился фазан. Потом он с видимым удовольствием обсматывает крылышко того же фазана, не отказался от краюшки хлеба, украшенной сверху кусочком парящего на холоде мяса и вежливо попросил добавки. В общем, скоро от того фазана остаются только несколько косточек... Теперь Аба и Луки сидят возле весело потрескивающего костра, во все стороны разбрасывающего крупные искры, поближе к костру передвинуто и «ложе» Мойшки. У всех троих приподнятое, почти праздничное настроение. А у Абы сейчас словно камень с души свалился, и он, стараясь придать своим словам юмористический тон, начинает рассказывать Мойшке, как он собирался кого-то засыпать снегом, как они с Луки тащили его по бездорожью в гору, как обнаружили исчезновение стойбища Журми и, конечно же, не забывает описать сооружение «таежной бани» по «проекту» одного из лучших местных охотников Луки Удигана. Мойшка выслушивает все это с широко распахнутыми глазами и переживает чувство признательности своим спутникам, смешанное со стыдом перед ними:

– Я готов просить у тебя прощения за все-все это, Аба, – прочувствованно произносит Мойшка.

– Да уж не без этого.

– Поверь, что я никогда себе такого не прощу.

Аба внимательно смотрит на брата, и в эту минуту ему кажется, что тот выглядит старше и серьезнее, чем обычно, и улыбается. Сейчас ему почему-то вспомнилось, как когда-то Мойшка со счастливым лицом и с до отказа набитой ворованными зелеными яблоками пазухой прибежал в мастерскую кровельщиков и тайком спрятал свою добычу в стружках в темном углу под лестницей, оставив те яблоки созревать. Потом он тоже просил прощения у брата...

– Ну что, вы уже осмотрели эту местность? – деловито интересуется Мойшка.

– Разумеется. И даже досрочно...

– И как она вам?

– Все как надо... – пряча ироническую усмешку, бодро отвечает Аба. – Тут прямо изобилие всего. Просто клад, доложу я тебе.

У Мойшки от этих слов прямо глаза загорелись. Не без усилий, перевернувшись на живот, он поднимает голову и, поддерживая ее обеими ладонями, о чем-то задумывается. О чем же?

– Аба, – обращается он к брату. – Помоги мне, пожалуйста, встать... А то я как-то... Ну помоги. Я хоть отсюда хочу сам на все посмотреть. Ну хоть разочек...

– Лежи, дурачок. Что ты тут смотреть собрался?

– Да я так... Ничего... – смущенно теребит он хвоянки своей «подушки». – Мне бы хоть сесть что ли...

Аба и Луки переворачивают Мойшку на спину, придерживая за плечи, помогают ему сесть. Парень с жадным любопытством обводит глазами каменное убежище, а в широком просвете между двух скал его взору предстает краешек заснеженной тайги – могучие кроны деревьев и словно нависающая над ними бело-голубая цепь сопков, верхним краем уходящая к горизонту, и там, далеко-далеко, по цвету своему уже не отличимая от равнины холодных зимних небес.

www.gazeta-ao.ru

– Ух ты... – не то от удивления увиденным, не то от неожиданно подступившей слабости шепотом произносит Мойшка и снова, бессильно опустившись на свою постель, долго лежит с закрытыми глазами. Только лицо его выглядит теперь иначе, чем раньше. Может быть, он вспоминает в эти минуты что-то приятное или, навеянный легкой дремой, ему привиделся какой-то светлый сон. И вряд ли можно счесть странным то, что все это по-своему отражается на лице Абы. Может быть, давным-давно он с точно такой же теплотой смотрел на Мойшку, сидя у его колыбельки. Нет, он, старший брат теперь уже заметно повзрослевшего паренька, навряд ли считает себя сентиментальным, но сейчас, глядя на щеки и нос братишки, усеянные точками веснушек, на пухлые губы, в уголках которых таится плутоватая и такая родная и милая мальчишечья улыбка, Аба не сдерживается и, наклонившись к Мойшке, целует его, тут же смутившись невольного порыва собственной нежности. Очнувшись от прикосновения, Мойшка открыл глаза и с вопросом к брату:

– А что это за мясо, которое вы мне давали?

– Это было мясо фазана.

– Фазан... – повторил Мойшка незнакомое слово. – Это дикое животное такое?

– Да нет, это птица.

– О, это, наверное, же Луки ее подстрелил. Да? Твоя работа, Луки? Вку-усно!..

Луки – ни слова в ответ, только в его узких глазах промелькнула мимолетная искорка – знак благодарности. Потом, опустившись на колени перед Мойшкой, Луки протягивает руку в направлении «новостройки»:

– О, Мошкэ, смотри. Моя юрта делай... Ай, хорош юрта!

Не без усилий немного приподнявшись на локтях, Мойшка поворачивает голову и видит неподалеку от их каменной стоянки конусообразный шалаш.

– Ой, Аба! – восхищенно выкрикивает Мойшка. – Мы теперь там жить будем?!

Аба задумывается и, недовольно хмурясь, отвечает:

– Да нет, братишка, жить там нам с тобой, я думаю, не придется, – и переведя взгляд на густо «дымящие» паром унты Луки, которые тот сушит, подвинувшись чуть ли не вплотную к костру, продолжил: – Юрта твоя, Луки, нас с тобой пока что подождет... Да... А вот этого парня мы обязательно должны в нее перетащить... Здесь ему уж точно не место. Ну чего это ты на меня так смотришь? – со строгой улыбкой на устах адресует он

вопрос брату. – Ты, верно, уже понял, что здесь нам, мой герой, уже не до шуток. Вылечиться ты должен или нет?

Мойшка молчит и, насупившись, сосредоточенно наблюдает, как подброшенная в костер сухая ветка сперва ярко вспыхивает, гаснет, а затем рассыпается на мелкие угольки. Потом негромко, неожиданно низким хрипловатым баском выговаривает:

– Ха, они меня на ручках понесут! Как вам это нравится? И ты, Луки, меня понесешь, да?

Луки не отвечает и, отвернувшись, пристально рассматривает что-то на склоне соседней сопочки. Судя по выражению лица Мойшки, он сейчас готов расплакаться как ребенок: болезнь еще-таки никого не делала крепче и сильнее...

– Аба... – голос Мойшки уже натурально дрожит от слез. – Ну что ты возишься со мной прямо как с маленьким!.. Ты делай, пожалуйста, то, для чего мы сюда пришли, и не обращай на меня внимания... Я ведь – ты сам видишь – выздоравливаю.

Абу эти слова прямо за живое задел:

– Да, ты уже не ребенок, Мойше... И знаешь, что...

– Ну вот разве что вы меня свяжете, чтобы нести! Разве что силой меня возьмете! Не дам я вам себя тащить! – срывающимся голосом выкрикнул Мойшка и, отвернувшись, натянул на голову полушубок.

Луки тем временем тихонько отодвигается от костра и, придав своему лицу выражение неподдельного испуга, неслышными шагами удалился в сторону юрты. Обойдя вокруг нее несколько раз, он останавливается, погруженный в какие-то свои мысли, затем – явно для вида – начинает поспешно что-то там перекладывать и поправлять, судя по всему, перейдя уже к окончательной отделке наружной части жилища. Аба поднимается и тоже направляется к юрте. Луки, прямо-таки с головой ушедший в работу, «начальника» даже взглядом не удостоил: сейчас ему ну прямо как назло никак не удастся выбрать из кучи березовой коры подходящий кусок.

– Луки! – пытаюсь привлечь к себе внимание проводника, окликает его Аба. Но ороч почему-то его не слышит. И не только не слышит – его как будто вообще здесь нет. По крайней мере, лицо проводника никак не попадает в поле зрения Абы. Вот он делает несколько шагов по направлению к Луки, озабоченно разглядывающему что-то под ногами, как тот неожиданно оказывается уже по другую сторону юрты и долго там что-то не то прилаживает, не то переделывает. Нет, Луки сейчас становится просто каким-то неуловимым. Абе не приходится долго гадать о причине столь необычного поведения проводника: тот в сложившейся ситуации бесспорно на стороне его упрямого младшего брата. Аба улыбнулся: ну надо ж так... Подняв с земли кусок бересты, он прикладывает его к покато́й стенке почти уже готовой к заселению орочонской хижины. «Сегодня можно заночевать уже и в юрте, – размышляет он. – Но парня трогать, пожалуй, не стоит. Да сейчас уже и поздновато. Пока туда-сюда, уже и темнеть начнет. Оно бы и в юрте переночевать можно – все лучше, чем в тех камнях. Ладно, оставим новоселье на завтра... Ну и упрямый же хлопец Мойшка... Хотя кто из нас не без греха?.. А Луки-то как на меня рассердился, а?.. Любопытный парень... Он вроде и здесь оставаться не хочет, и отсюда уходить, кажется, не собирается...»

Подумав о проводнике, Аба невольно заулыбался, едва не рассмеялся даже, во всех подробностях представив себе, как на станции Биробиджан Луки отчаянно сопротивлялся, не желая садиться в вагон. Он сердито кричал что-то на своем языке, размахивал руками и все показывал на дальние сопки, к которым он знает другую, правильную, дорогу, и куда ему надо вести двух русских...

Сколько пришлось им помучиться, чтобы уговорить орочона ехать на поезде! И даже уже войдя в вагон, Луки обеими руками вцепился в железную скобу и никак не желал покидать тамбур. А когда паровоз дал гудок и состав тронулся, Луки был прямо-таки смертельно испуган: дрожа всем телом, он истошно закричал и рванулся к окну. Между тем, поезд уже набрал ход, бедняга забился тут же, в тамбуре, в угол и почти с ужасом

смотрел в окно, за которым как живые стремительно закружились деревья, засыпанные снегом поляны и куда-то вдруг поплыли всегда неподвижные сопки...

И только много позже, когда поезд миновал уже несколько станций, Луки в сопровождении двух своих «проводников», осмелившись, вышел на перрон и входил в вагон уже без особой опаски. От того страха, который житель дальнего таежного селения Яхса испытал поначалу, к концу поездки у него, как кажется, не осталось и следа. Правда, большую часть времени необычный пассажир простоял в холодном тамбуре. Плотнo прислонившись плечом к стенке, он не отводил глаз от окна, время от времени отвлекаясь от наблюдения за движением земли, чтобы набить табаком свою деревянную трубку, и уже как будто перестал удивляться тому, что каждого из окружающих его людей он видит в своей жизни впервые...

Юрта стоит на отлогом оголенном склоне известняковой сопки. Перед входом в нее трепещет огонек костра. Дым поднимается и над верхушкой юрты: внутри нее тоже горит огонь. Окрестное пространство уже погрузилось в ночную тьму, и хорошо видно, как время от времени в дыму над юртой начинают кружиться россыпи искр. Поднявшийся к ночи ветер относит их в сторону, и они, не успев долететь до земли, гаснут во тьме...

Непогода расходилась не на шутку. Долина буквально тонет в протяжном шуме тайги, а в юрте порывы ветра отдаются глухими ударами. Но в традиционном жилище таежных охотников тепло и сухо; уютно потрескивает в очаге костер, ярко-оранжевые язычки огня причудливо сплетают воедино сухие обломки дерева. Вся юрта залита красноватым светом, а на ее стенках подрагивают причудливые тени свисающих из нее частей хвойных лапок. Воздух в юрте пропитан запахом смолы и чуть отдает дымком.

www.gazetareno.ru

В юрте двое – Луки и Мойшка. Луки сидит, подобрав под себя ноги, положив на колени ружье. Так он остается неподвижным уже несколько часов кряду. Создается полное впечатление, что он в этой позе попросту спит. А вот Мойшка все никак не может улечься: он то и дело ворочается с боку на бок, выдергивает из своего ложа то одну, то другую пихтовую лапу и подбрасывает ее в огонь, с интересом наблюдая, как она в мгновение вянет и, вспыхнув, сгорает. Когда это занятие ему вконец надоело, он, поудобней усевшись на своей «постели», начинает прислушиваться к звукам, доносящимся со стороны леса. Но там все то же: протяжный шум тайги, глухие удары и посвисты порывистого ветра... Просидев несколько минут, напряженно вслушиваясь в звуки метельной ночи, Мойшка переводит взгляд на «дверь» юрты – связку особым образом скрепленных между собой тех же пихтовых веток, как штора, закрывающая собой вход в жилище. Мойшка тревожится: брата все нет и нет. Еще днем, когда они

только что перебрались в юрту, Аба вдруг совершенно неожиданно объявил, что должен, наконец, осмотреть местность вокруг известняковой сопки, и отправился в тайгу. Вот уже ночь, и по всему-то Аба должен уже вернуться. «Может быть, он, чего доброго, заблудился? А может где-то переходил речку и провалился под лед? – одна за одной приходят в голову Мойшки мрачные мысли. – Да глупости все это! Но только где же он сейчас бродит? Ой, да уж скорей бы он сам все рассказал, когда вернется!.. Во, кажется, кто-то идет!.. Нет, показалось... Может, попросить Луки пойти и поискать Абу?..» Мойшка уже несколько раз поглядывал в сторону Луки, но что-то мешало ему тревожить проводника, совестно вроде, и как только возникала мысль его разбудить, Мойшка каждый раз говорил себе: «Нет, подожду еще десять минут, и если Аба не придет, тогда уж...».

Прошло уже десять, а потом и пятнадцать минут, но Мойшка так и не решился просить Луки о помощи. Миновало и еще пятнадцать минут... И впору было вести счет уже не на минуты, а на часы тягостного ожидания...

Луки сидел, глубоко уйдя в свои мысли-представления, являющиеся ему то как фрагменты причудливых картинок, то как эпизоды реальных событий. Вот он разговаривает с людьми, стоящими перед ним на таком огромном расстоянии, что их почти не видно или даже почти совсем нет, и просит дать ему какие-то советы. И люди эти как будто отвечают на его просьбу. Но он не соглашается с ними и даже вступает с ними в спор. Потом ему представляется, что он делает то, что делал то ли в давнем, то ли не в давнем прошлом. Вот он сидит на сыром песке на берегу как будто хорошо ему знакомой быстрой речки. В ее прозрачной воде при ярком свете дня отчетливо видны каждый камешек, каждая песчинка, а жаркое летнее солнце щедро осыпает речку зелено-золотыми бликами. А вот среди камешков показалась небольшая рыбка. Едва поводив хвостиком, она ритмично шевелит жабрами и что-то ищет между камешками – «пасется». А Луки сверху уже прицелился в нее острогой. Бросок – и рыбка уже трепещет на острие его остроги... Рыбачить Луки любит с самого раннего детства... А вот медведь, с треском проломившись через путаницу кустов и ветвей, встает на задние лапы, а обеими передними ожесточенно чешет свою черную косматую голову так, словно хочет ее оторвать. Медведь ревет и вот-вот набросится на Луки, чтобы растерзать его в клочья. Но Луки встречает таежного «деда» с ледяным спокойствием. Ему хватает какой-то доли секунды, чтобы сорвать с плеча ружье и выстрелить прямо уже в раскрытую над охотником огромную медвежью пасть: только так можно с одного выстрела завалить страшного лесного великана... А вот Луки стремительно несется на лыжах вниз по склону сопки, перелетая через засыпанные снегом рытвины так, что встречный ветер срывает с головы шапку...

А вот Сава Доонкан. Прошлогодней зимой он, как видно, крепко заснул в своей юрте, стоявшей на отшибе, огонь в очаге погас, и старая кровь остановилась в жилах Савы – бедняга замерз... Но в этот ночной час для Луки этого нет и не было, и он сидит сейчас у костерка в обветшавшей Савиной юрте, оба курят, и уже не он, Луки, слушает рассказы Савы, а сам Доонкан слушает Луки, который пришел к старику обсудить одну важную тему. Сава слушает Удигана, напряженно морщит сухой коричневый лоб, его глубоко запавшие глаза слезятся, рука, в которой он держит трубку, мелко дрожит. Сава, выслушав Луки, слабым старческим тенорком говорит:

– То, что ты рассказываешь, прекрасно... Только я против того, чтобы безвылазно сидеть всю жизнь на одном месте... Да, я много где бывал. Только, заметь это, я никогда не забывал обратную дорогу к родному стойбищу... И я всегда бережно хранил и храню заветы наших дедов и прадедов. Храню так, как хранят сухим порох, главный же из всех заветов – быть и оставаться орочем...

А Луки не всегда соглашается со всем, что говорит Сава. И вот он видит себя стоящим на вершине сопки с ладонью, приложенной ко лбу козырьком, чтобы получше рассмотреть все вокруг, и в глубине души испытывает гордость за себя. Он, Луки, сейчас

как Аба. Вернее, он хочет быть таким, как начальник Аба... Нет-нет – тут же пугается он такой мысли, невольно втягивает голову в плечи и, открыв глаза, осматривается вокруг: уж не подслушал ли сейчас кто-то то, что он думал?.. Мойшка аж вздрогнул, поймав на себе цепкий, как бы прицеливающийся взгляд ороча, но в этот момент он четко расслышал звук шагов.

– Аба! Аба идет! – радостно воскликнул он и даже захлопал в ладоши.

Да, снаружи слышались шаги, затем – уже перед самым входом в юрту – звук обиваемых друг о друга валенок. Затем приподнялась хвойная занавеска и в двери показалась голова Абы в меховой шапке, облепленной снегом, и, наконец, в юрту, низко наклонившись, едва ли не на четвереньках вполз инженер Готсдинер.

– Хо-хо! Ну и пришлось мне сегодня покрутиться по этим сопкам... Хорошо, что мы перед юртой костер разожгли. Его-то отлично издалека видно...

Аба возбужден и даже взволнован. Во-первых, он определенно доволен всем, что увидел за время своей вылазки. Во-вторых, отчасти, тем, что в юрте можно забыть о крепком да еще и с ветром, обжигающем лицо морозе, а в-третьих, тем, что видит перед собой брата Мойшку сидящим на постели, а не бездвижно лежащим на ней. Так что уж, наверное, завтра не придется нести его на носилках в деревню, как Аба планировал накануне. Ну а возможность, уйдя от беспощадной стужи оказаться у костерка – это прямо блаженство! И сейчас, буквально оттаивая у огня душой и телом, Аба рассказывает о том, где он был, что видел и к каким мыслям пришел во время своей «экскурсии» в таежную глухомань. Мойшка слушает рассказ брата затаив дыхание. Стараются не пропустить ни одного слова смелого «начальника» и Луки. А тот, видя, как блещат глаза проводника, понимает, что охотнику его повествование как будто не менее интересно, чем Мойшке.

После всего все трое, опустошив объемистую банку консервов, пьют чай.

– Ну а теперь спать, люди! – командует Аба. – А я, с вашего позволения, немного посижу у огонька.

Луки укладывается прямо на землю головой к огню, вскоре засыпает, и юрта оглашается его храпом. Мойшка, который еще не совсем поправился, но чувствующий себя несравненно лучше, чем утром, а тем более накануне, ложится несколько поодаль от проводника. Аба сидит близ очага и, видимо, собираясь с мыслями, крепко потирает ладонями лоб. Потом, пододвинув к себе рюкзак, достает из него пачку чертежей – проект будущего завода – и задумывается. Затем, вооружившись карандашом, делает на чертежах какие-то пометки, время от времени хмыкает и что-то там себе поправляет. Углубившись в работу, инженер, кажется, не замечает, как проходит час, другой... От бумаг он отрывается лишь затем, чтобы поддержать огонь костерка, подбросив в него парочку «дровинок», но делает это, скорее, машинально. Пару раз за ночь Аба выбирается из юрты, чтобы «подкормить» сушняком костер, который трепещет на ветру снаружи. Между тем, хотя до рассвета еще далеко, Аба продолжает бодрствовать, да как-то и не до сна ему, несмотря на то, что за долгую ночь он изрядно утомился. Уложив в рюкзак «отработанные» чертежи, Аба принимается за «сочинение» писем. Одно он пошлет, как и обещал, уже бывшим своим однокурсникам, чтобы сообщить им, где он, что он и чем занимается. Второе письмо с рассказом обо всем случившемся со стойбищем Журми будет адресовано областному партийному комитету... Сам адресант рассчитывает поутру отправиться в Тигровую и найти там человека, который отправит его письма со станции Б. Ну и глупо бы было (а накануне он всерьез намеревался так поступить) тащить в деревню Мойшку – причем тащить в полном смысле этих слов – на носилках. Да он бы не то, чтобы еще сильнее простудился – он бы замерз где-нибудь по дороге. А здесь, у огонька, да еще в юрте, смотришь, и оправится парень от хвори.

www.gazetkino.ru

Уже перед самым рассветом Аба принялся писать еще одно письмо. Пишет он его неспешно, время от времени переводя взгляд на огонь, и живо представляет себе до боли знакомое девичье лицо, тонкие его черты, спадающие на лоб и виски так похожие на колокольчики черные кудряшки и ряд ослепительно белых зубов, обнажающихся в милой улыбке...

«Что она сейчас делает? – думает Аба. – Может, еще спит? Или, например, читает... Стоп-стоп! Там, где она живет, то ли утро, то ли вечер приходят на целых восемь часов позже, чем сюда к нам...»

Закончив писать, Аба выходит из юрты уже с наступлением дня. Ярко светит поднявшееся над сиреновой каймой сопки солнце, и все вокруг объято такой тишиной, что, кажется, можно расслышать стук собственного сердца. И странно: в эти минуты у Абы создается прямо-таки полное впечатление, что все окружающее он видит впервые и воспринимает совсем иначе, чем это было только вчера и позавчера. Он переводит взгляд на голубоватые глыбы известняка. Они громоздятся справа и слева, а над ними гигантским козырьком нависает массивный выступ самой сопки. «Смотри-ка ты, сама природа постаралась тут обустроить пусть примитивную, но вполне пригодную для эксплуатации печь для обжига извести... Даже интересно... Как это я раньше-то не заметил?... Да, надо только вот это место и вон ту сторону выложить камнем – и вот она тебе готовая печь...» Немного постояв в раздумье, Аба решает спуститься в долину, чтобы рассмотреть ее поближе.

...Возвратившись из очередной «разведки», Аба застаёт в юрте только Мойшку. Тот сообщает: когда он проснулся, Луки уже не было, но у очага (да вот она!) навалена целая куча дров. Подсев поближе к брату, Аба объявляет ему о своем решении сегодня же идти в деревню, чтобы привести сюда людей с лошадьми, которых обещал выделить на заготовку леса тигровский предколхоза.

– А ты остаешься здесь с Луки, – заключил Аба.

Мойшка, услышав это, попытался изобразить на лице горькое сожаление, но посерьезнев, коротко произнес:

– Хорошо.

Пододвинувшись к брату ближе, Аба спросил его:

– А Луки не говорил тебе про стойбище Журми? Ну о том, почему орочи отсюда откочевали?

– Нет. А ты что, знаешь почему? – слышит в ответ Аба.

– Да, знаю, – вздохнул Аба и пересказал брату все, что услышал от проводника. – Конечно, я мог бы рассказать тебе обо всем этом раньше, но зачем тебе в твоём-то положении еще и волноваться?

Мойшка, услышав это, поморщившись, покраснел: опять, дескать, брат его за слабого держит, но смолчал. Однако на лице парня по-взрослому серьезное выражение, а в глазах промелькнули недобрые искорки.

– И как же можно все это объяснить, и что ты собираешься делать? – задает он вопрос.

– Пока что ничего, потому что...

– Что значит «пока что» и тем более «ничего»?

– А вот послушай... Я полагаю, что если тот тип в сапогах не счел за труд уже один раз прийти сюда, он, скорей всего, снова появится здесь опять уже вместе с лесорубами... А мы посмотрим, кто как себя поведет, как работать будет... Не на теплой же печи он здесь будет сидеть... Короче говоря, распознать его нам будет не так уж сложно. И чем раньше мы это сделаем, тем будет лучше, – изложил свое мнение Аба и, выдержав короткую паузу, добавил: – А вот Луки я бы очень хотел здесь оставить. Хороший он парень, ничего не скажешь. Любознательный, главное.

– И правильно! – посветлел лицом Мойшка. – Ой, как правильно, Аба! Он просто-таки золото!

Как раз в этот момент снаружи послышались шаги легкого на помине ороча, а затем такой звук, как будто на землю упало что-то тяжелое.

– О! – вскинулся Мойшка, когда Луки оказался в юрте. – А мы тут только что о тебе говорили...

Луки молча присаживается у огня, неторопливо раскуривает трубку. Уловив вопросительно-удивленный взгляд Абы, заметившего пятна крови на рукаве своей дохи, проводник, не вынимая изо рта трубку, сообщает:

– Моя коза стреляла...

– Э, так это, может быть, та коза, которую я тот раз не догнал? – пробует пошутить Мойшка, но Аба и Луки пропускают его вопрос мимо ушей. Луки хмурится, видно, что он явно чем-то взволнован. Аба это заметил сразу и попытался мысленно определить причину необычного состояния проводника. Тот докурил, выбил перед очагом пепел из трубки, неспешно уложил ее в кожаный мешочек, прикрепленный к поясу, и, повернувшись к Абе, заговорил:

– Моя тайга след видел... Один твой след... Потом недалеко твой – ороchon след. За тобой иди... Ты ночь ходи, не видеть?

– Нет, не видел.

– Хо. Твой ороchon близко ходи – твой хорошо видеть хотел... Ты ходи – и ороchon везде ходи. Ты сюда приходи – он тогда уходит... Моя его след тоже маленько ходи. Теперь моя думай – Журми далеко нету...

– И точно! Я ведь так и думал. Журми где-то отсюда не так уж далеко, и того ороча специально сюда послали посмотреть, что тут делается, – заключил Аба.

Луки согласно закивал головой.

– Ну и если это так, то все ничего, все нормально, – опять заговорил Аба. – Послушай меня, Луки... Здесь скоро будет много людей, очень много. Даже больше, чем в двадцати ваших стойбищах... И всех надо будет кормить... У нас же так: кто-то один готовит пищу – еду, я хотел сказать, а все остальные делают другую работу... Да-да, у нас так... И вот если ты останешься с нами, ты мог бы помочь нам иметь мясо. А для этого тебе надо пойти в Журми и найти там нескольких хороших охотников. Ты с ними будешь ходить на

охоту и приносить добычу сюда. А мы с вами будем рассчитывать мукой, припасами для охоты и деньгами. И все будет как надо, то есть будет хорошо. Ты согласен?

Луки задумывается, тянется за трубкой, но, повертев в руках, снова прячет ее в свой кожаный кисет. Аба и Мойшка молча наблюдают за проводником, ждут... – Моя хотеть! – громко объявляет Луки. – Моя все равно хотеть здесь остаться! – произносит он так, как будто намерен кого-то переспорить. Ороч поднимает голову, лицо его выражает твердую решимость. Но через секунду-другую Луки, широко улыбаясь, произносит уже в ином тоне:

– Моя хочет с вами остаться... Моя всегда не уходи!

– Молодец, Луки! – не выдерживает Мойшка и привстав протягивает ему ладонь: – Держи!

Луки сперва озадаченно смотрит на протянутую к нему руку, но тут же вспоминает рассказы Савы и, улыбаясь еще шире, протягивает свою ладонь, сложенную лопаткой, Мойшке. Потом точно так же он подает руку Абе. Тот перехватывает ее обеими руками и крепко, по-мужски, сжимает и энергично встряхивает.

– Моя идти в Журми! – поднявшись на колени, говорит Луки. – Моя идти... Про чужой все Расскажи... Его Журми обмани... Его плохой люди...

– Подожди, Луки, – прерывает его Аба. – Может, и мне надо пойти с тобой?.. Хотя нет. Лучше ты иди один. Да, один... И Расскажи там все, что ты знаешь... А я пойду за людьми в Тигровую. Поэтому тебе, Мойшка, уж придется одному здесь пока побыть... Дров мы тебе сейчас натаскаем. Впрочем, к ночи Луки, пожалуй, и вернется.

Аба потер ладонью лоб и, словно вспомнив нечто важное, продолжил: – Да, Луки, обязательно приведи сюда с собой охотников и поставьте тут хотя бы пару юрт... Можно так сделать? Два дня на это дело вам, думаю, хватит... А я приведу сюда лесорубов. Наверное, человек десять-пятнадцать...

– Моя все делай, – отозвался ороч. – Твоя мне верить!

...Аба взобрался на вершину сопки – сопки с которой он и Луки в первый раз увидели, что стойбище, в которое они направлялись, исчезло. Стоя между камней возле молодой поросли дубняка, он козырьком прикладывает ладонь ко лбу и оглядывает открывающуюся перед его глазами величественную панораму горной тайги. Прямо напротив и ближе всех к наблюдателю – известняковая сопка. Несколько вытянутая с севера на юг, с вершиной, заметно выделяющейся голым каменным горбом, сопка эта напоминает какого-то фантастического зверя, прильнувшего к земле. А вот и речка, на которой было стойбище орочей. Она змейкой огибает с востока подножие сопки. Далеко справа на заснеженном льду речки угадывается медленно движущаяся черная точка. Это Луки. Аба не может не испытывать чувства глубокой признательности этому человеку, ставшему для него прочной опорой в сложной жизненной ситуации. Аба переводит взгляд к северному краю известняковой сопки и ищет глазами место, где стоит их юрта. Сейчас это место можно легко найти по тонкой ниточке дыма, на одном конце которой они и нашли временный приют. «Как то там мой непоседа-братишка? Пусть и не надолго, но он остался в этом “вигваме” совсем один ...»

Но вот от относительно неплохо видной отсюда юрты отделяется темная на фоне снега черточка. Да это же Мойшка! Он видит стоящего на вершине сопки брата и, сорвав шапку, размахивает ею над головой. Аба с улыбкой отвечает брату таким же манером. Потом он пытается снова отыскать глазами Луки, но тот сейчас уже где-то далеко...

– Ну что, вперед? Только вперед! – сам себе отдает команду Аба. А там, впереди, у него непочатый край больших и малых, но чрезвычайно серьезных и важных дел.